

СВЕРХНЯЯ ЗАПИСКИ

*Литературно-политический
Ежемесячникъ*

ДЕКАБРЬ

1914

Сумерки Европы.

Сумерки сгущаются надъ Западной Европой. Изъ сверканія небывало яркаго дня современной культуры, восторженно возносившейся, казалось, въ безграничные просторы, она безъ переходовъ погрузилась во внезапно разверзшуюся жуть.

Я говорю не о всей Европѣ,—только о Западной Европѣ, только о томъ сравнительно небольшомъ полуостровѣ на тѣлѣ материковъ, на который стеклась, задержанная морями, и напряглась сила, расцвѣло творчество современнаго человѣчества; на которомъ выросла европейская культура,—подобно тому какъ нѣкогда въ меньшихъ масштабахъ тогда еще небольшого міра, на другомъ полуостровѣ, на другомъ географическомъ острівѣ собралась и разрядилась великая культура Эллады.

Различны — и даже противоположны—судьбы государствъ, которыхъ жребій общихъ міровыхъ, и частныхъ для каждаго, движеній связалъ въ одинъ узелъ современной войны; различны горизонты, открывающіеся для каждаго. Но страннымъ, на первый взглядъ, образомъ—болѣе родственнымъ вырисовывается грядущее не тѣхъ участниковъ войны, которыхъ связываютъ союзныя въ ней отношенія; болѣе близкой рисуется имѣ судьба тѣхъ государствъ, которыхъ связываетъ многовѣковая общность исторіи, хотя бы они и находились во враждебныхъ рядахъ. Такъ, значеніе войны для дальневосточной Японіи рѣзко и въ корнѣ отличается отъ ея значенія для европейскихъ державъ, хотя и союзныхъ ей; такъ даже и для Россіи, державы европейской, но раскинувшейся и на Азію, перспективы войны иные, чѣмъ для странъ Западной Европы. Я и буду говорить только объ этой послѣдней, въ смертельной борьбѣ сохранившею своеобразное единство, заранѣе подчеркнувъ, что къ Россіи излагаемыя соображенія имѣютъ лишь весьма частичное отношеніе.

1.

Союзныя, враждующія и пока нейтральныя государства, Францію съ Англїей и Германію, Бельгію, Австрію и Италію, беру я въ однѣ скобки, отдѣляя отъ Россіи и Японіи, союзныхъ однимъ, враждебныхъ другимъ,—потому что глубокое коренное единство представляютъ онѣ общностью своего прошлаго и единствомъ создававшейся ими культуры. Менѣе всего стану я отрицать характернѣйшую индивидуальность каждой изъ этихъ странъ, различіе—можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полярность—ихъ народнаго характера, своеобразіе ихъ творческаго вклада; но это—вклады въ единую культуру, но это индивидуальности въ единосвязанномъ коллективѣ народовъ. Исторія долгими столѣтіями общенія, борьбы, взаимныхъ вліяній переплела ихъ въ единство; современность своими фантастически мощными средствами взаимнаго проникновенія спаяла ихъ со всеми ихъ противоположностями и своеобразностью. Сообща творили они одно дѣло—великой западно-европейской культуры, единой и при всемъ своемъ внутреннемъ разнообразіи, какъ единой была культура Эллады при своеобразіи создавшихъ ее городовъ. Европейской культурѣ въ современности принадлежитъ непререкаемая гегемонія въ жизни народовъ, хотя громаднѣйшее большинство человѣчества не участвуетъ въ ея созданіи и не живетъ въ ея рамкахъ. Собственно міромъ и была до недавняго прошлаго Западная Европа; остальная часть земной поверхности была нетронутымъ пустыремъ или колоніей, мѣстомъ приложенія европейскихъ силъ, источникомъ благъ, или внѣисторическимъ пространствомъ, тридевятымъ царствомъ, которое еще только должно было быть найдено, открыто историческимъ человѣчествомъ и приобщено къ исторіи,—т.-е. открыто Европой для Европы. Солнцемъ человѣчества за послѣднія столѣтія было солнце, освѣщавшее Западную Европу, и все милліоны людей и все сокровища этихъ тридевятыхъ царствъ, отпрысковъ нѣкогда грандіозныхъ культуръ, были какъ бы сномъ, фантазмой, пока не вступали въ соприкосновеніе съ Западнымъ полуостровомъ. Ибо здѣсь человѣчество не только жило, но и творило, не только охраняло прошлое, но претворяло его въ будущее; ибо здѣсь пролегла дорога, которая отъ былыхъ эпохъ протянулась къ эпохамъ грядущаго. Индію и Китай открыла маленькая Европа и вернула человѣчеству; Америку она, такъ сказать, изобрѣла и взростила. Черезъ Западную Европу пролегалъ для всехъ народовъ путь къ жизни и къ творчеству; «западничество», т.-е. собственно европеизація, для всехъ народовъ было лозунгомъ воскресенія и новой жизни.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что не одна Западная Европа участвовала въ созиданіи западно-европейской культуры. Все значительнѣе становилось участіе и другихъ народовъ, приобщенныхъ ею къ жизни или столкнувшихся съ нею. Россія, и Америка, и Дальній Востокъ увеличивали свой вкладъ въ общечеловѣческой капиталъ. И все же этотъ вкладъ еще и до послѣдняго времени становился общечеловѣческимъ, только поскольку проходилъ сквозъ призваніе руководящихъ державъ Запада. И даже и еще тѣснѣе можно сказать: три руководящихъ державы Запада, три руководящихъ культуры, англійская, нѣмецкая, французская, въ ихъ взаимодействіи и создавали русло единой западно-европейской, и,—значить, для послѣднихъ вѣковъ—общечеловѣческой культуры. Преобладаніе склонялось то на сторону одной, то на сторону другой; въ послѣднее полу столѣтіе снова выбросилась впередъ Германія; но въ общемъ въ этомъ тройномъ взаимодействіи германо-романскаго міра происходила основной напоръ міровой культуры послѣднихъ вѣковъ.

И какъ внѣ-европейскія цѣнности только черезъ пріятіе ими получали міровое значеніе, такъ и культуры другихъ европейскихъ же народовъ только въ связи съ ними, вливая въ нихъ свое созиданіе, или отъ нихъ черпая, участвуютъ въ общей работѣ. Далека отъ меня мысль умалить значеніе и другихъ народовъ: Италіи, связующей насъ на зарѣ новыхъ временъ съ далекою древностью, и Нидерландовъ, и другого соединительнаго съ древностью звена—еврейства, этого малочисленнаго восточнаго народа, который связующей силой своего разсѣянія, непрерывностью своей своеобразной активности, сочетаніемъ неслиянности съ каждой отдѣльной мѣстной традиціей и участія во множествѣ ихъ—стала едва ли не самымъ европейскимъ народомъ среди европейцевъ. Впрочемъ, и вообще можно отмѣтить, что наиболѣе законченными средне-европейцами, обще-европейцами являются не столько члены трехъ великихъ созидательныхъ силъ европеизма, сколько интеллигенція маленькихъ народовъ—голландцы, бельгійцы, шведы, швейцарцы; ибо они менѣе другихъ могутъ ограничиться своею собственною мѣстною жизнью и культурою, больше другихъ неизбежно льнуть къ культурамъ чужимъ и притомъ—хотя и неравномѣрно и прерывисто—льнуть ко всѣмъ окружающимъ ихъ великимъ культурамъ.

Но при всѣхъ этихъ оговоркахъ нельзя не признать, что тремя основными силами созидался ново-европейскій міръ, и этими силами были три великія западныя державы. При всемъ ихъ своеобразіи въ общій узоръ сплетаются ихъ индивидуальныя культуры. Сплетаются длинными столѣтіями сосѣдской жизни, совмѣстной или взаимной борьбы, скрещивающихся заимствованій. Сплетаются за послѣднія

десятилѣтія съ небывалою интенсивностью, продвигая это сплетеніе въ интимнѣйшія глубины народной гущи. Въ университетахъ Берлина и Гейдельберга, Цюриха и Парижа сталкивается молодежь всѣхъ народовъ, какъ и въ художественныхъ мастерскихъ Парижа и Мюнхена, какъ въ лабораторіяхъ Мечникова и Эрлиха. На Байрейтскія музыкальнныя празднества, на выставку или ярмарку Лейпцига, на безчисленные конгрессы всякихъ наукъ и всякой техники, религіи и философіи съѣзжаются отовсюду люди для совмѣстныхъ воспріятій, переживанія и мысли. На каждомъ шагу по Европѣ вы встрѣтите итальянскаго каменотеса; въ помѣстьяхъ Германіи—русскаго или польскаго крестьянина; въ далекихъ кварталахъ Парижа и Лондона—еврея, выходца изъ Россіи; въ отеляхъ, ресторанахъ—нѣмецкаго или швейцарскаго кельнера, горничную, управляющаго; всю Европу исколесили жокеи, артисты, шофферы, авіаторы всѣхъ странъ. Промышленность, торговля выставляютъ своихъ представителей вмѣстѣ со своими фабрикатами изъ страны въ страну. Нѣмецкій комми-вожеръ и швейцарская бонна, французская гувернантка и бельгійскій инженеръ—свои люди даже въ глуши Россіи. Моды перекидываются черезъ границы и проникаютъ, пусть въ окарнатуренномъ видѣ, въ глухіе углы. Пациенты всѣхъ народовъ встрѣчаются въ пріемной берлинскаго врача, у источниковъ безчисленныхъ курортовъ, на высотахъ Энгадина, на итальянскихъ оверахъ, на морскихъ купаньяхъ. Сквозь картинныя галлерей Дрездена, Флоренціи протекаютъ непрерывнымъ потокомъ вереницы разноязычныхъ людей, и на развалины форума приходятъ не меньше народовъ, чѣмъ древле подъ сѣнь его торжествующей власти.

Многія сотни тысячъ туристовъ всѣхъ народовъ, всѣхъ классовъ и состояній, безъ перерыва передвигаются по Европѣ, и многія сотни тысячъ рабочихъ людей. Воцаряется новый своеобразный кочевой бытъ, въ которомъ паровозы, автомобили и пароходы замѣняютъ степного коня. Съ кочевыми профессіями связаны миллионы людей, а для другихъ миллионѣвъ—временное кочевье служить ученью, леченью или отдыху. Когда-то осѣдлая душа складывалась подъ впечатлѣніемъ опредѣленной природы, одного языка и быта, вращалась среди вещей одного производства. Сколько теперь людей носить въ душѣ своей одновременно отраженіе—и торжествующаго разлива красокъ, пылающихъ ярко и все же слитно-гармонично на лѣтнемъ небѣ Норвегіи, гдѣ каждую ночь зажигается и догораетъ пожаръ Валгаллы,—и нѣжно-сребристаго, мягко-затуманеннаго неба Парижа, родившаго французскую живопись,—и уюта крестьянско-сказочныхъ или сказочно-рыцарскихъ лѣсовъ Шварцвальда и Тюрингена,—и сочности южнаго моря съ утомленно пышною берего-

вой растительностью,—и бѣлаго царства Альпійскихъ вершинъ, изъ-за ближнихъ темныхъ грядъ величаво-возносящихся подобно нѣкоему воплощенному для профановъ Монъ-Сальвату, —и ясныхъ, отчетливо простыхъ линий на фонѣ благородно-радостныхъ, свѣтло-спокойныхъ, чистыхъ красокъ Эллады. Когда-то все, что не звучало на родномъ языкѣ, казалось пустымъ звукоизверженіемъ, духовной нѣмотой; теперь, и не слышавъ словъ, по одному только звуковому силузту, по интонаціонной волнѣ рѣчи мы легко узнаемъ и различаемъ чужой—уже не чужой—языкъ. Сквозь различный бытъ проходить схожія, иногда почти тождественныя формы; въ государственной жизни—близки и родственны многіе институты и отношенія, и въ творчество каждаго кажется утрамбованнымъ опытъ всѣхъ странъ.

И сидя дома, мы ежедневно, непрерывно кочуемъ духовно, читая газету и книгу, или посѣщая кинематографъ; на разстояніи тысячъ верстъ мы одновременно съ миллионами слѣдимъ за событіями дня, и почти одновременно—иногда въ тотъ же часъ—насъ охватываютъ единыя волны духовныхъ интересовъ или увлеченій: въ тѣ же часы, на противоположныхъ концахъ Европы, да и міра, люди были потрясены приговоромъ по дѣлу Дрейфуса или гибелью Титаника, терзались тѣми же волненіями, ожидая послѣднюю вѣсть о Лъвѣ Толстомъ или о Мессинскомъ землетрясеніи. Конечно, и весь міръ находится теперь въ общеніи, но общеніе это—разной степени напряженія, а узлы наиболѣе интенсивной близости, наибольшаго сплетенія и разносторонности вліяній—доселѣ расположены были въ Западной Европѣ.

Намъ, европейцамъ, въ ней и ею живущимъ, хорошо явственны внутреннія различія, явственнѣе, чѣмъ то общее, что привычно, какъ воздухъ и какъ воздухъ незамѣтно. Живя, чувствуя и мысля въ европейскомъ строѣ, мы этого строя не замѣчаемъ, не замѣчаемъ общихъ народамъ ритмовъ, объемлющихъ схемъ жизни и дѣятельности, единообразно пронизывающихъ ихъ стремленій; не обращаемъ вниманія на тождественные или родственные элементы, на аналогично связующіе синтезы жизни и творчества. Мы различаемъ прежде всего ихъ индивидуально-народныя сплетенія. Но если извнѣ охватить весь укладъ европейской культуры, то—на ряду съ другими прошлыми великими культурами человѣчества—ясно выдѣлится и ея невыблемо-спаянное единство и ея глубинное своеобразіе.

Замѣчательный типъ человѣчества, замѣчательный, законченный образецъ культуры создала исторія въ новѣйшее время. Во всякую эпоху живетъ человѣкъ въ какой-нибудь культурѣ, но закон-

ченныя мощныя образованія, цѣлостныя непреходящія синтезы не часты въ исторіи, и однимъ изъ немногихъ была новая культура Западной Европы—культура самодовлѣющей человѣчности. Нашему поколѣнію выпало высокое счастье пережить въ послѣднія десятилѣтія небывало могучій расцвѣтъ, высшее напряженіе этой культуры. И тѣмъ изъ насъ, кому не надо было эпическихъ испытаній громовой войны, чтобы ощущать грандіозное творчество эпохи, великую формовку ея души, казалось захватывающимъ и чудеснымъ предвкушеніе того, до какой неизвѣданной еще полноты она развернется. Но вотъ грянула разрушительная война, и сгустились сумерки надъ Европой.

Въ мои намѣренія сейчасъ не входитъ намѣчать содержаніе этой въ своей цѣлостности уже обреченной культуры, защищать ее отъ ходячаго взгляда, который усматривалъ въ ней торжество внѣшняго, матеріальнаго, вещей, техники, не видя того духа, который ихъ создавалъ, ими владѣлъ, ими чеканился, надъ ними рѣзалъ. Въ мои намѣренія не входитъ и защищать ее отъ упрековъ въ коренныхъ антиноміяхъ, въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ,—культура Европы потеряла-де крушеніе, и надо искать разрѣшенія поставленныхъ человѣчеству проблемъ по другимъ путямъ. Кто знаетъ, что антиноміи свойственны самому духу человѣчества, какъ и тѣлу его, самой сути человѣческаго общежитія, тотъ заранѣе знаетъ, что нѣтъ, не было и не будетъ культуры, которая бы ихъ избѣжала, которая бы взяла, да разрѣшила ихъ, и устроила бы жизнь гладкую и согласную. Какъ на шершавой грифельной доскѣ, только распыляясь о сопротивленія, мелокъ исторіи оставляетъ письмена человѣческихъ дѣяній. Всякая культура будетъ вѣчно противорѣчивой, ибо неотъемлемо противорѣчивы самыя пружины человѣческія и общественныя. И судить культуру надо не по тому, разрѣшила ли она безъ остатка поставленные ей или ею задачи, а по тому, какія цѣнности она создала, выбываясь среди встрѣчныхъ противорѣчій, хотя бы въ нихъ и захлебываясь. Ни формально логическій критерій непротиворѣчія, ни эстетическій критерій внутренне-самодовлѣющей гармоничности — не предъявимы культурѣ въ ея цѣльности. Ея мѣрила иныя: какъ въ ней жилъ человѣкъ; создалъ ли ея своеобразно-цѣльный и самодовлѣюще-полный типъ человѣка, синтезъ общежитія, система хотя бы и сталкивающихся запросовъ и дѣятельностей; сотворены ли ея цѣнности незамѣнимыя и неотъемлемыя для всякой грядущей возможной культуры? Культура новоевропейская сложилась въ законченную картину небывалой полноты и насыщенности; создала твердыни творчества и труда, которыя обойти человѣчество никогда не сумѣетъ. Ея заботой былъ—человѣкъ, и человѣкъ былъ ея критеріемъ. Культура самодовлѣющей человѣчности,

она навсегда останется въ памяти людей, какъ законченная индивидуальность; въ жизни его—какъ неотъемлемая основа. Но живая дѣйствительность ея—думается мнѣ—будетъ погасать и разлагаться; но гегемонія ея будетъ поколеблена; но изъ міровой и всечеловѣческой она обречена становиться провинціальной и частичной.

Разумѣется, я не хочу сказать, чтобы такія послѣдствія были вызваны одной войною, хотя бы и столь грандіозною, какъ протекающая нынѣ. Разумѣется, этотъ процессъ совершался и раньше,—въ самой пышности расцвѣта лежитъ угроза разложенія, ибо только скудость величавой суровости обезпечена отъ каденія. Разумѣется, еще и послѣ войны не станутъ сразу наглядными и осязаемыми раздробленіе и сверженіе западной культурной гегемоніи. Процессъ шелъ уже раньше войны, и не завершится немедленно послѣ нея; но точкой перелома въ этомъ процессѣ, точкой срыва—будетъ великая война. Безъ нея Европа могла бы постепенно претвориться въ новый міръ, впитывая въ себя новыя содержанія, разрастаясь новыми ростками, распространяясь незаметно на новыя центры. Теперь получится перебой, остановка, ослабленіе, потемнѣніе. Сорвана будетъ культурная непрерывность, и изъ хаоса только медленно будетъ выбиваться новый законченный типъ челоѣчества, челоѣческаго общества, челоѣческаго кругозора. Наше поколѣніе его уже не увидитъ. Сорванное великимъ столкновеніемъ, оно закончитъ свой земной путь среди развалинъ и зачатковъ.

Сумерки опускаются надъ Западною Европой.

2.

Безчисленны и непредвидимы послѣдствія войны, даже великія послѣдствія войны; зло и добро сплетется въ нихъ,—ибо война такъ широко захватила безбрежныя массы людей и такъ глубоко задѣла жизненныя функціи народовъ и государствъ, что едва-ли не всѣ причинныя нити, связующія прошлое съ грядущимъ, оказались задѣтыми ею, пройдутъ сквозь нее, а слѣдовательно все грядущее будетъ въ ней имѣть свои корни,—и добро, и зло, которое намъ предстоитъ сдѣлать или испытать. Зачерпнувъ до неизвѣданныхъ глубинъ челоѣческія силы и интересы, она и разбудила и парализовала, отвлекла отъ осуществленія и проявила столько дѣятельностей, что въ ихъ еще неопредѣлившейся сумятицѣ долго будетъ нелегко отыскать твердо сложившіеся массивы. Она уничтожила, вѣроятно, столько же возможностей, сколько пробудила къ жизни. Кое что уже ясно, но еще можетъ быть ослаблено или усилено; не мало зависитъ отъ ея про-

течения, ибо хотя общий ее военный результат—поражение Германии и Австрии—возможно считать вполне предопределенным, но вѣдь остаются еще вопросы о темпѣ и объемѣ этого поражения. И тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя линіи, самыя общія, элементарныя, наглядныя, которыя проведены или проводятся уже теперь и которыя дальнѣйшимъ ходомъ кампаніи, каковы бы онѣ ни были, зачеркнуты не будутъ. Въ этихъ элементарныхъ общихъ линіяхъ уже живетъ рокъ; ими уже предопредѣляется будущее.

Не дѣло публициста ни предсказывать, ни гадать о будущемъ; тѣмъ менѣе во время такой войны, для которой нѣтъ въ прошломъ прецедентовъ. Объ абсолютномъ числѣ непосредственныхъ участниковъ войны ужь и говорить не приходится; но такого движенія вооруженныхъ народовъ и относительно не видалъ міръ со временъ передвиженія народовъ давнихъ, первобытныхъ эпохъ. Нечего распространяться и объ интенсивности боя; она приблизительно также относится къ боямъ предыдущимъ, какъ современная техника къ наливной технике прошлаго. Никогда не бывало и такого разнообразія формъ борьбы, на одномъ полюсѣ граничащихъ съ безличнымъ машиннымъ функционированіемъ, на другомъ—воскрешающихъ формы героическихъ единоборствъ давно минувшаго времени. Въ машинномъ функционированіи войны люди служатъ одновременно живымъ матеріаломъ—и пассивной массой и живымъ силовымъ потокомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ являются и машинистами, инженерами, поглощенными своими аппаратами, а не непосредственной борьбой, такъ же косвенно соприкасающимися съ дѣйствительностью уничтоженія, какъ косвенно рабочіе на заводахъ, выдѣлывающихъ плуги, соприкасаются со вспахиваніемъ земли. Техника разитъ, они же поглощены техникой. Но другіе воскрешаютъ давнишнія формы единоборствъ, только перенося ихъ и въ воздушныя пространства и въ глубину морей, бомбами замѣняя мечи и копья, а коней—двигателями внутреннего сгорания. Съ десятиверстныхъ разстояній палятъ орудія, и изъ окоповъ на разстояніи десятковъ метровъ перекликаются, какъ древніе герои, враги.

И какъ боевыя отношенія не имѣютъ прецедентовъ, такъ не имѣетъ прецедентовъ и служащая опорой войнѣ—народная жизнь. Никогда еще не бывало такихъ грандіозныхъ человѣческихъ скопленій, такой напряженной работы массъ, такого бѣшенатаго темпа и грандіознаго размаха творчества, такой неразрывной связи между отдаленнѣйшими группами, странами, функциями, такой тонкой отдачи малѣйшихъ движеній, такихъ сложныхъ реальныхъ построений на зыбкихъ, еле уловимыхъ психическихъ вѣяніяхъ довѣрія или расчета,—какъ въ наше необычайное время; и потому одинаково

трудно учитываемы, какъ послѣдствія вносимыхъ войною разрушеній, такъ и затаенныя силы самозалечиванія и воскресенія.

Не было въ исторіи прецедентовъ для настоящей войны, и нѣтъ аналогій, по которымъ можно было бы предугадывать ея послѣдствія. Не дѣло публициста предсказывать будущее, которое когда-нибудь станетъ дѣйствительностью. Но есть еще то будущее, которымъ уже чревато настоящее, которое то какъ угроза, то какъ надежда, но всегда—какъ возможность, живетъ уже сейчасъ. Сплетенное съ другими, невидными пока факторами, оно можетъ стать инымъ, чѣмъ становится; но оно становится, и этого достаточно, чтобы на немъ остановиться.

Когда-нибудь будутъ вычислены матеріальныя разрушенія войны, и выведенныя неизмѣримыя цифры самой своей неизмѣримостью ничего намъ не скажутъ. Будутъ нарисованы картины разрушенія, и чтобы быть доступными созерцанію, онѣ будутъ написаны въ микроскопическомъ масштабѣ, а приближаясь къ правдѣ, перейдутъ за черту нашего духовнаго горизонта. Въ отвлеченныхъ формулахъ мы когда-нибудь, вѣроятно, охватимъ совершающееся, но—лишены біенія живой плоти и дыханія подлинныхъ переживаній будутъ эти объемлющія схемы. Сколько сейчасъ переживаютъ подлиннымъ чувствомъ проесящее, но имъ открытъ лишь маленький его уголокъ. Такъ человѣческія мысль и чувство ни въ біеніи непосредственныхъ соприкосновеній, ни въ холодѣ далекой оглядки—не въ силахъ проникнуться полнотой происходящаго; такъ оберегаетъ себя душа отъ тягчайшихъ потрясеній.

По тремъ упрощеннымъ линіямъ располагаются нагляднѣйшія послѣдствія для Западной Европы міровой борьбы—по линіи матеріальнаго разрушенія, уничтоженія живой силы и потускнѣнія моральнаго.

Обширныя территоріи почти сплошь повторно топчутся арміями, ведущими на нихъ смертный бой. Бельгія и сѣверная половина Франціи; Польша, Сербія. Завтра надо думать, куда присоединятся и другія: Пруссія и Эльзась, Венгрія и Силезія. Оставимъ безъ вниманія сугубую злостность, которую можно проявлять и не проявлять, вспомнимъ только основныя, неотъемлемыя явленія: передвиженія милліоновъ вооруженныхъ людей, высокую военную технику воюющихъ, снаряды, разрывающіе сажени земли, пальбу, зажигающую пожары, рытье окоповъ, измѣняющихъ и поверхность и глубину земли. Сжигается и уничтожается недвижимость и подвижность, портятся насажденія и самый почвенный составъ земной поверхности. А между тѣмъ вѣдь не только усовершенствовались по

сравненію съ прошлымъ орудія разрушенія, но безконечно возросли и самыя объекты его. Гигантски возросъ удѣльный вѣсъ того, что создано или претворено въ природѣ человѣкомъ, а слѣдовательно, что подлежить и разрушенію съ его стороны.

«Культура»—создаваемое и непрерывно поддерживаемое человѣкомъ—занимало когда-то незначительное мѣсто въ экономіи природы, которою жили люди. Несомнѣнно это мѣсто теперь даже по сравненію съ тѣмъ, какимъ оно было полстолѣтія тому назадъ. Нѣкогда—проходили враждебныя народы или войска, разоряли, уничтожали, что могли. Но это возможное истребленіе было ничтожнымъ сравнительно съ неистребимымъ, чѣмъ жилая человѣкъ. Долго ли могла «трава не расти» по слѣдамъ жесточайшихъ пощипъ; а рядомъ съ опустошеннымъ пространствомъ, какая-нибудь случайно пощажанная деревушка или волость продолжала существовать безъ перерыва и почти что какъ ни въ чемъ не бывало; сейчасъ же и петропугая снарядами доменная печь, погасшая въ силу недостатка топлива, становится разлагающимся трупомъ. Самыя жестокіе и отчаянныя «гунны» огнемъ и мечомъ меньше измѣняли обликъ малокультурной страны, чѣмъ современное хотя бы и корректное войско, орудующее дальнобойными пушками, бомбами, минами въ густо заселенной, застроенной и разработанной до малѣйшаго клочка странѣ. Пустите злѣйшаго дога въ пустырь и хотя бы добродушнѣйшаго слова въ цвѣтникъ—можно ли сравнить неизбежныя разрушенія. Пустите свору договъ въ хлѣвъ и хотя бы дрессированнаго слона въ узенькую лавку, заставленную драгоценными бездѣлушками,—онъ только повернется и уже надѣлаетъ больше бѣды, чѣмъ вся раздраженная свора. Безконечно возросли не только орудія и возможности разрушенія, но и объекты и неизбежность его, потому что безконечно больше живетъ человѣкъ теперь создаваемымъ, а не только используемымъ въ стихійно расцвѣтающей природѣ.

Но всѣ эти непосредственныя разрушенія касаются пока небольшихъ частей Европы, и какъ бы велики они ни были, они матеріально, вѣроятно, незначительны по сравненію съ косвенными разрушеніями, вызываемыми войною. Милліоны людей уже въ теченіе мѣсяцевъ оторваны отъ труда; и потому, что они не работаютъ, другимъ милліонамъ тоже нечего дѣлать. А еще новыя милліоны работаютъ усиленно, лихорадочно,—и вся ихъ работа непосредственно направлена на то, что предназначено разрушаться или разрушать. Связь и сплетеніе современности заставляетъ рушиться и не задѣтое, уничтожаетъ и не прикасаясь. Перерывъ или затрудненія сообщенія между странами, пониженіе потребленія (что, впрочемъ, является и нѣкоторымъ коррективомъ къ пониженной производи-

тельности), разстройство сложнѣйшей и тончайшей системы довѣрія,—все это убиваетъ работу, парализуетъ творчество. И съ застывающей работой усиленно расползаются, изнашиваются и старыя блага.

Конечно, этотъ процессъ съ одной стороны охватываетъ неравномѣрно воюющія державы, а съ другой—въ силу взаимной связности—распространяется и на всѣ остальные страны міра. Крушеніе міровой биржи, затрудненія торговли, стѣсненія кредита дали себя знать всюду. Къ тому же, происходятъ отчасти и обратные процессы: европейскія нейтральныя страны, Италія и Скандинавія частью пользуются войною, чтобы отвоевать нѣкоторыя отрасли отъ державъ воюющихъ; и тѣмъ болѣе это относится къ Америкѣ и Японіи. Да и среди воюющихъ державъ неравномѣрны разрушенія войны. Неоднократно отмѣчалось, что на безкрайнюю Россію съ ея громаднымъ населеніемъ и земельнымъ хозяйствомъ война отражается несравненно меньше, чѣмъ на ея сосѣдяхъ и врагахъ. Точно также и Англія терпитъ меньше ущерба, чѣмъ Германія и Франція, и даже, можетъ быть, наряду съ нимъ извлекаетъ и нѣкоторыя выгоды изъ войны. Ущербъ и уничтоженія войны, распространяясь на весь міръ, распределяются въ немъ, конечно, неравномѣрно, все уменьшаясь по мѣрѣ удаленія отъ воюющихъ державъ, и среди нихъ самихъ падая особенною тяжестью на континентальныя страны Западной Европы. Вотъ почему если въ нѣкоторой степени міръ вообще будетъ сброшенъ съ достигнутаго уровня матеріальнаго расцвѣта, то Западная Европа будетъ лежать въ развалинахъ.

Пусть скоро закипитъ работа возстановленія. Обыкновенно въ примѣръ быстроты возстановленія приводятъ Францію послѣ пораженія 70 г. Думается, что примѣръ этотъ не можетъ служить прецедентомъ, ибо въ то время разорена была Франція одна, и была она окружена здоровыми, быстро развивающимися государствами, изъ которыхъ она легко могла почерпнуть содѣйствіе, найдя въ нихъ опору для возстановленія. Совсѣмъ не то мы будемъ имѣть теперь. Разореніе и разрушеніе будетъ и вокругъ побѣжденныхъ; всюду трудовое и финансовое напряженіе будетъ направлено на свои ближайшія развалины; не будетъ тѣхъ сосѣднихъ здоровыхъ тканей, которыя помогаютъ быстрому затягиванію ранъ. Пусть та самая высота матеріальной культуры, которая обусловила великія разрушенія, послужитъ и сравнительно быстрому возрожденію. Но эта скорость можетъ, конечно, быть только «сравнительной» съ грандіозностью задачи; а измѣренная масштабомъ скоротечной жизни человѣческаго поколѣнія, займетъ во всякомъ случаѣ не ничтожную часть его.

И на эти годы будутъ отложены всякія другія заботы и задачи. Передъ необходимостью отдышаться, обстроиться, обезпечить будущую защиту—отойдутъ на задній планъ тѣ стремленія къ общественному строительству и совершенствованію, которыя были результатомъ долгихъ лѣтъ мышленія и борьбы; которыя девятнадцатый вѣкъ завѣщалъ двадцатому, и которыя двадцатый вѣкъ ставилъ на Западѣ Европы съ такою же силою размаха, какъ и твердою рѣшимостью.

Неравнобѣрны разрушеніе и ущербъ для разныхъ странъ, и это скажется съ особенною силой въ годы возстановленія. Уже сейчасъ частью Англія, а главнымъ образомъ Америка и Японія вытѣсняютъ Германію изъ мірового рынка. Но несравненно сильнѣе станетъ этотъ процессъ по возстановленіи мира, когда всюду загорится трудъ и творчество, и одніе страны окажутся передъ необходимостью починаить свой аппаратъ работы, между тѣмъ какъ другія немедленно приведутъ его въ напряженное функционированіе. Только тогда, а не теперь, скажется, завершится паденіе однихъ и ростъ другихъ; тогда осуществится вытѣсненіе воевавшихъ — тѣмъ, кто сохранили свои силы. И если только къ тому времени не возгорится новая борьба между Японіей и Америкою, то только тогда гигантски развернутся эти новыя державы за счетъ Западной Европы. Пусть Франція будетъ побѣдительницей, Германія—побѣжденной; но разоренныя войною, онѣ будутъ оттѣснены другими, сохранившими неизрасходованными свои силы.

3.

Смертный бой не различаетъ людей по ихъ индивидуальнымъ свойствамъ, призваніямъ, возможностямъ. Все передъ смертью равны—и поэтъ, и приказчикъ, и государственный мужъ, и торговецъ, и рабочій, и мыслитель. Ихъ жизнь и дѣятельность не равноцѣнны, но онѣ самоцѣнны, и потому не сравнимы. Странанія генія и тупицы одинаково страданія; смерть благороднаго и низкаго—одинаково смерть. И горе оставшихся не измѣряется соціальною цѣнностью погибшихъ. Странаніе и смерть не сравниваются и не складываются. Двѣ смерти—не двойная смерть, а только смерть повторенная; страданіе двухъ людей—не двойное страданіе, а дважды пережитое. Каждый человекъ есть морально замкнутый міръ, и миллионная гибель морально ничего не прибавитъ и не убавитъ отъ первой. Въ живомъ переживаніи и въ оцѣнкѣ моральной—ясленности не существуетъ. Передъ одинокою и передъ братскою могилою—тождественны скорбь и кождественно благоговѣніе.

Но люди продолжают жить, общество остается, остается культура. Надъ открытыми могилами замыкается жизнь уже однимъ теченіемъ времени; съ неизмѣнностью стихіи она неотвратимо строить на нихъ свои живыя построенія. Неотвратимо—ибо и воздержаніе есть жизнь, только ничтожная. Неизъяснима полнота молчанія передъ одиноко, хотя и совмѣстно, погибающими, но священныя права имѣеть и общая жизнь совмѣстно живущихъ. Довлѣтъ себѣ благоговѣніе передъ смертью; но самозаконны и требованія жизни и культуры. Смерть не слагаема,—но подлежить сложенію и учету уходящая и остающаяся жизнь. Вотъ почему не нарушаетъ благоговѣнія могилъ—подсчетъ погибающихъ жизней.

Какъ бы ни были велики и значительны матеріальныя разрушенія, думаю, еще важнѣе будутъ послѣдствія той грандіозной убыли живой силы, которую произведетъ—уже производитъ—настоящая война. Нельзя, разумѣется, предвидѣть абсолютныхъ величинъ, которыя опредѣлятся дальнѣйшимъ ходомъ событій. Необходимо и здѣсь различать положеніе разныхъ участницъ войны. Японія воевала, но въ смыслѣ убыли живой силы, какъ будто и не воевала. Англія, посылающая до сихъ поръ сравнительно небольшія войска, и при томъ—либо профессионаловъ войны (моряки), либо добровольцевъ, въ число которыхъ могутъ всегда не входить люди опредѣленно иныхъ призваній,—стоитъ пока также въ сравнительно благопріятномъ положеніи. Также менѣе тяжело положеніе и Россіи съ ея грандіозной численности населеніемъ. Но опять-таки Западную Европу объединяетъ въ ея смертельномъ разъединеніи—общая судьба. Чуть ли не все молодое и зрѣлое поколѣніе, могущее носить оружіе, стоитъ подъ ружьемъ. Военская повинность не различаетъ моральныхъ или духовныхъ свойствъ, умственныхъ дарованій и призваній; не различаютъ ихъ и смертоносныя снаряды,—и тысячи за тысячами выметаются изъ жизни по случайностямъ военныхъ условій.

Выметаются изъ жизни силы, уже численно долженствующія серьезнѣйшимъ образомъ отразиться на будущемъ воюющихъ странъ; но и качественно выцѣживаются драгоцѣннѣйшіе соки. Не правильно, конечно, говорить только о гибели цвѣта страны, ибо гибнутъ и ея плевелы; но правильно говорить, что гибнетъ и цвѣтъ воюющихъ странъ. Мы никогда не узнаемъ, сколько уничтожается теперь геніальныхъ умовъ и благородныхъ сердецъ, творцовъ и завершителей, государственныхъ вождей, поэтовъ, изобрѣтателей, трибуновъ. Но и не въ нихъ однихъ дѣло. Отбиваются не только вершины молодыхъ побѣговъ націй; обдѣняются и всѣ ткани. Не только будетъ меньше

больших людей, — будет меньше и ответственных рабочих; знающих учителей, умелых мастеров, дельных инженеров. На всех атаках общественности происходит опустошение.

Дѣло не только въ убитых или—что социальнo еще страшнѣе—въ обезумѣвшихъ и окончательно искалѣченныхъ; дѣло и въ раненыхъ, въ перво-потрясенныхъ, не выкинутыхъ изъ жизни, но лишившихся на всегда или хотя бы на нѣкоторое время значительной доли своей трудоспособности. Дѣло еще и въ тѣхъ, кого война социальнo выкинула и выкинетъ изъ налаживавшейся социальнoй колеи. Сколькіе по возвращеніи не застанутъ уже складывавшихся передъ ними возможностей личной, общественной, профессиональной дѣятельности; сколькимъ придется годы метаться, чтобы снова выбиться на предназначенный путь; сколькимъ, свернувшимъ съ него въ рѣшающіе годы молодости, это и вовсе не удастся.

Я знаю, что и здѣсь есть нѣкоторые общіе или частные коррективы. Общественная распатанность создаетъ большую подвижность, при которой, можетъ быть, легче будетъ проявиться вѣсу отдѣльной личности. Въ частности Германія можетъ втянуть въ себя часть своей заокеанской эмиграціи. Россія улучшеніемъ условий жизни могла бы снять путы, сковывающіе многочисленныя слои ея населенія, сократить его отливъ въ чужіе края.

Имѣется еще резервуаръ социальныхъ силъ, и я не сомнѣваюсь, что убыли, причиненныя войною, заставятъ постигнуть его открытіемъ. На братской могилѣ миллионъ мужчанъ будетъ построенъ храмъ женскаго равноправія; и въ этомъ будетъ, вѣроятно,—или во всякомъ случаѣ можетъ быть—одно изъ великихъ въ болѣе отдаленномъ будущемъ послѣдствій войны. Но оно въ большомъ размѣрѣ не скажется скоро, ибо нужна для этого сложная подготовка, перевоспитаніе навыковъ, выработка психологін. Россія и въ этомъ отношеніи находится въ болѣе благоприятномъ положеніи, ибо здѣсь уже въ теченіи десятилѣтій идетъ эта выработка и подготовка. Но и здѣсь, несмотря на уже замѣчающіеся признаки, потребуются долгіе годы, чтобы государственнo въ полной мѣрѣ реализовать этотъ резервуаръ живыхъ силъ; и на Западѣ процессъ будетъ и труденъ, и длителенъ. И можно смѣло сказать, что ближайшія десятилѣтія будутъ на Западѣ эпохой стариковъ и дѣтей, эпохой утомленныхъ и незрѣлыхъ.

Съ годами—въ теченіе около четверти вѣка—это будетъ сказываться со все возрастающей силой. Въ концѣ концовъ и сейчасъ еще человѣческое общество можетъ быть грубо и приблизительно по поколѣніямъ подраздѣлено—на пожилые руководящія верхи, рабоче-творческіе зрѣлые слои и начинающую, бунтующую и вслушиваю-

щуюся молодежь. Сегодня обезкровлена молодежь и сильно задѣты арѣльные слои; руководящая заправляющая сила осталась на мѣстѣ. Но завтра отойдетъ она или одряхлѣетъ, — кто прійдетъ ей на смѣну? Въ творческіе же ряды арѣлой грудовой фаланги вольтетъ обезсиленная сегодня молодежь; что будетъ зачинать и какъ будетъ творить обезкровленная дружина сегодняшнихъ двадцатилѣтокъ. Не скоро подростутъ дѣти, но вѣдь и они подрастутъ въ этой расслабленной средѣ; къ кому они станутъ прислушиваться?

А въ это время въ странахъ дальняго запада и востока будетъ въ полнотѣ напряженнаго давленія твориться спѣшное дѣло мировой культуры.

Сумерки сгущаются надъ Западной Европой.

4.

Менѣе всего сейчасъ время для тщательнаго анализа третьяго бѣдствія — моральнаго затменія, — сейчасъ, когда, по словамъ А. Шницлера въ письмѣ къ Ромэну Роллану, «весь міръ ослѣпленъ ненавистью, ожесточеніемъ и поюзью». Настанетъ время и для этого, и не повѣрять многіе, если имъ напомнятъ то, что они дѣлали и кричали со всехъ крышъ, — и сочтутъ это клеветою на себя. Когда нибудь факты будутъ провѣрены въ ихъ разныхъ, обыкновенно противоположныхъ и слишкомъ часто лживыхъ толкованіяхъ, сведены къ надлежащимъ рамкамъ и сопоставлены съ бездною фактовъ, невѣдомыхъ или умышленно скрывааемыхъ. Тогда наступитъ время вынести полновѣсное сужденіе.

Но сообразно темѣ настоящей статьи — мнѣ здѣсь достаточно отмѣтить только одну подробность современнаго моральнаго состоянія, — именно, насколько оно относится къ взаимнымъ отношеніямъ народовъ запада; а это возможно сдѣлать уже сейчасъ, потому что здѣсь не имѣетъ значенія правда или неправота взаимныхъ нареканій, а только самый фактъ воцарившихся настроеній.

Поразительно, съ какою внезапною силою охватила народы Европы ожесточенная взаимная ненависть. Нѣкогда богатыри, вызывая другъ друга на бой, тутъ-же и поносили другъ друга для устрашенія врага и поддержки собственной увѣренности. Затѣмъ установились рыцарскія отношенія между врагами. Теперь функціи раздѣлились: одни идутъ въ бой и молчатъ; въ нихъ вѣрно воспитывается и уваженіе къ противнику и цѣненіе его мощи; другіе сидятъ дома, въ безопасности, пишутъ статейки или произносятъ рѣчи и тѣмъ страстно и неудержимо поносятъ врага, воздавая себѣ щедрое признаніе,

что ни откуда—даже и отъ него—не встрѣчаютъ отпора; ибо отпоръ, оказываемый въ этой области врагомъ, заключается въ томъ, что и онъ точно также сидитъ въ безопасности въ своихъ редакціяхъ и аудиторіяхъ и посылаетъ столь же безудержныя поношенія врагу и хвалы себѣ самому.

Обманъ—если и не зрѣнія, то—дѣйствія заключается въ томъ, что, въ отличіе отъ пушекъ, печать, цѣля во врага, попадаетъ лишь въ собственную публику. Ядъ, предназначенный врагу, можетъ, на худой конецъ, отравить лишь друга. И ненависть разжигается, злыя чувства раззадориваются, болящія и безъ того раны растрavляются,—все подъ предлогомъ поддержать духъ родного народа. Но дѣйствительно сражающимся нѣтъ надобности въ этихъ возбуждающихъ средствахъ, ибо дѣйствительность борьбы безконечно болѣе воздѣйствуетъ на нихъ, и къ тому же печать все равно до нихъ не доходитъ. Между тѣмъ твердость духа и плодотворная дѣйствительность остающихся дома прежде всего требуетъ достоинства, выдержки, упорной работы на своихъ мѣстахъ, терпѣливаго выжиданія и перенесенія неизбѣжныхъ страданій и тяготъ. Здѣсь размазываніе ужасовъ, натравливаніе и наускиваніе только вызываетъ бессильно-суетливое раздраженіе, бездѣйственный аффектъ, разлагающій душу, и дѣйственно выливается лишь въ травлю беззащитныхъ и безвредныхъ. Здѣсь лицемѣріе благочестивой лжи, пріучая не къ благочестію, а лишь ко лжи, не возноситъ умы до благочестивыхъ идей, а оскорбляетъ идеи не могущимъ быть длительно скрытымъ лицемѣріемъ. И тѣмъ хуже для тѣхъ наивныхъ, которые вмигъ позабывъ, что они вчера еще твердили, какъ попутай, не замѣчаютъ обмана и лицемѣрія; убѣдившись когда нибудь, какъ они были одурачены, они негодованіе на обманъ сольютъ въ неразтворимое мѣсиво съ разочарованіемъ въ идеяхъ; и запутавшись въ чужой лжи и собственномъ недомыслии, дадутъ опору новымъ реакціямъ и новымъ надежностямъ. И ростетъ, и множится страшный посѣвъ клеветы и озлобленія, ненависти и самоупоенія, обмана и лицемѣрія. Поистинѣ правъ Шницлеръ: «негодяи, прикрывающіеся личиною патріотизма (прибавлю: и глупцы, повѣршіе въ личину),—наиболѣе отвратительное явленіе настоящей войны».

Мѣсяцами народы Запада воспитываются въ атмосферѣ глубочайшей несправедливости; мѣсяцами народы живутъ въ мірѣ представленій диаметрально противоположныхъ, какъ противоположны выпнутая и вогнутая сторона выпуклости. И эти представленія стали для каждаго народа—его правдой; уже не представленіемъ, а фактомъ, не мнѣніемъ, а дѣйствительностью. Ибо въѣдь почти нѣтъ средствъ провѣрки, сравненія, ибо все—всѣ газеты, рассказы, слухи—все сходится къ одному у

однихъ, и къ противоположному у другихъ. Потомъ будетъ миръ, и встрѣтятся эти народы. Какъ они встрѣтятся.

Безмѣрно тягостно многое изъ того, что къ намъ доносится съ войны. Думаю, впрочемъ, что слишкомъ легко за ужасами передъ эксцессами войны забываютъ о неизбѣжныхъ для нея ужасахъ; за возмущеніемъ злостною, преступною волею врага, забываютъ о механической работѣ боевого аппарата. И, забывая объ его безличномъ функционированіи, мы приписываемъ перѣдко его послѣдствія человѣческой душѣ; и ужасаемся ея паденію и перерожденію, и готовы и вовсе разочароваться въ ней, а заодно и во всей культурѣ. И уже нагнетаются тѣ потоки пустомыслія и пустоочувствія, разочарованности и самоуничуженія, въ которыхъ постараются утопить остатки уваженія передъ человѣкомъ и достоинства человѣчности.

Какъ бы то ни было, на войнѣ многое объяснимо безвыходною трудностью положенія—голодные, холодные, иногда полуобезумѣвшіе люди съ оружіемъ въ рукахъ легко теряютъ критерій добра и зла. Тамъ многое объясняется внезапнымъ чудовищнымъ превращеніемъ, выбивающимъ изъ колеи налаженной жизни и выработанныхъ чувствъ и бросающимъ въ существованіе, полное смертельной необычности, временами въ почти пещерное существованіе, гдѣ отъ высокой культуры остаются лишь совершенныя орудія истребленія. Современное войско есть вооруженный народъ; но вѣдь и въ мирное время происходятъ всевозможныя преступленія, безумныя, садическія. Преступники, кандидаты въ подобные преступники, находятся вѣдь и среди вооруженныхъ миллионъ; и не всегда вѣдь въ переходахъ, наступленіяхъ и отступленіяхъ, можетъ быть поддерживаема надлежащая дисциплина. Представимъ себѣ законно-вооруженнаго Джека-потрошителя въ завоеванномъ городѣ.

Нѣтъ, конечно, никакихъ основаній сводить все эксцессы на личную патологию и преступность. Но на комъ же, какъ не на тѣхъ, кто стоитъ внѣ боя, лежитъ суровый долгъ нелицепріятія; на комъ, какъ не на нихъ лежитъ обязанность не только различать и взвѣшивать, но даже и въ тягчайшихъ осужденіяхъ не забывать, что осуждая народъ, они осуждаютъ человѣчество; на комъ, какъ не на нихъ, лежитъ отвѣтственность за моральныя послѣдствія войны? И какъ же отнестись къ тѣмъ, кто, сидя въ покоѣ внѣ ужасовъ боя, не рискуя сами ничѣмъ, отравляютъ душу и туманятъ сознаніе безудержно слѣпымъ озлобленіемъ, а подчасъ и всемъ зрячею ложью. За многихъ изъ совершающихъ эксцессы дѣломъ можно надѣяться, что, вернувшись къ обычной жизни, кошмаромъ почувствуютъ они то, что пережили и что совершали; неотвѣтственными ихъ признаютъ, потому что невмѣняемыми оскорбляли они человѣческую природу. А эти?...

Конечно, больше, чѣмъ гдѣ либо и когда либо, на войнѣ и около войны неразрывно сплетаются подвиги и преступленія. Такого діапазона душевныхъ переживаній и поступковъ не часто достигаетъ человѣчество. Незачѣмъ высчитывать, чего больше, да и нельзя, ибо не покрываетъ добро зла, а рядомъ стоитъ. И самая эта совмѣстность высокихъ вершинъ и вязкихъ болотъ представляетъ явленіе громадное, зрѣлище значительнѣйшее. И то, и другое окажетъ свое моральное воздѣйствіе. На разстояніи сильнѣе окажется дѣйствіе добра, ибо одни подвиги, одни вершины останутся въ памяти и создадутъ новый эпосъ о человѣческой доблести, силѣ духа, о горячемъ сердцѣ и суровомъ долгѣ. Но боюсь, что въ ближайшемъ, непосредственномъ воздѣйствіи сильнѣе, болѣе цѣпко-заражающе вліяніе зла. Ибо добро требуетъ напряженія, а зло его не требуетъ; ибо добро предполагаетъ вниманіе, а зло обходится и безъ него; ибо личиной добра прикрывается зло, отравляя его лицемѣріемъ; ибо, оступившись, добро становится зломъ, а зло, и всегда хромая, всегда остается самимъ собой.

Народы борются за свою свободу, за свою культуру, отдавая за нихъ жизнь и достояніе, а рядомъ стоятъ другіе, подстерегаютъ того, кто первый ослабѣетъ, чтобы безъ большого риска и безъ существенныхъ потерь доконать его. Сербія истекаетъ кровью, а рядомъ Греція потихоньку забираетъ, что плохо лежитъ, а рядомъ Румынія подстерегаетъ свой часъ. А Италия, подъ видомъ національнаго объединенія, мечтаетъ прихватить и славянскія земли и воздерживается отъ нападенія, не столько даже щадя свои силы, сколько желая возможно больше ослабить союзниковъ своего сегодняшняго выступленія, въ которыхъ она видитъ своихъ завтрашнихъ враговъ.

Народы борются за *свою* свободу, за *свою* культуру, за *свою* власть, за *свой* расцвѣтъ. И въ этомъ они одинаково правы, даже когда они враги. Но приходятъ толковники, и пропускаютъ мѣстоименія притяжательныя; и затемняются умы, и заслоняется великое—даже въ ужасахъ войны великое—дѣло жизненной, міровой борьбы. Свободу и расцвѣтъ—освобождаютъ отъ мѣстоименія «мой», но зато мѣстоименіемъ «твой» снабжаютъ и ограничиваютъ преступленія и гнетъ...

Моя тема—сумерки Запада. Въ этомъ отношеніи совершенно несомнѣнны послѣдствія моральнаго затемненія. Между народами Западной Европы на долгіе годы установится ненависть и подозрѣніе. Легкость общенія исчезнетъ, исчезнетъ легкость обмѣна. Товарами, конечно, скоро снова станутъ обмѣниваться, но не людьми, не идеями. Та общность, о которой я говорю въ началѣ этой статьи, то складывавшееся единство, интенсивный обмѣнъ и согласованность въ вершинныхъ устремленіяхъ — будутъ нарушены. Ненависть и месть.

вмѣсто содружества, подозрѣніе и презрѣніе вмѣсто довѣрія. Претензіи не къ однимъ врагамъ, а и къ тѣмъ, кто не помогъ или не достаточно помогаль. Озлобленіе счетовъ и дрызгъ даже и тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста озлобленію вражды.

При этомъ расхожденіи и отчужденіи Западная Европа потеряетъ свою ударную силу, свое могучее притяженіе, свой ascendant. Американцы, будутъ, конечно, продолжать ѣздить и въ Парижъ и въ Мюнхенъ—они перестанутъ ѣздить въ Европу. Сумерки опускаются надъ Западомъ.

5.

Скажутъ, что многое уже благополучно переносило человѣчество, перенесетъ и это. Конечно, перенесетъ,—такое утвержденіе не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но это выводъ слишкомъ огульный и мало опредѣленный; весь вопросъ въ томъ—какъ, а отчасти и—кто? Я съ самаго начала ограничилъ свою тему Западной Европой; рѣчь не идетъ о Россіи; въ совершенно особомъ положеніи Японія и Америка; даже и Англія стоитъ нѣсколько особнякомъ. Но что до континентальной Западной Европы, до ея великой, единственной въ исторіи культуры, то, думаю, краски не были сгущены. Я взялъ только самыя общія, самыя элементарныя линіи; а сколько назрѣваетъ ударовъ и опасностей, менѣе опредѣленныхъ, но возможныхъ.

Можно предвидѣть, какъ обезлюдѣвшая Франція становится какъ бы губкой, всасывающей чужестранцевъ, теряетъ—пусть на время—свой индивидуальный обликъ и защищается новой реакціей слѣпого націонализма. При разгромѣ Германіи можно предвидѣть, какъ она теряетъ въ той или другой формѣ свое государственное единство, а слѣдовательно, и мощь, а слѣдовательно, и культуру,—ибо великая, полная культура создается только мощнымъ или идущимъ къ мощи организмомъ; такими въ давнія времена были Ассирія или Египетъ, позже Эллада, Римъ, Англія, Германія. Только въ рѣдкихъ случаяхъ творится культура безъ державности—таковою былъ іудазмъ,—но она, въ связи съ этимъ, можетъ быть глубокой и интенсивной, но никогда не полной и не всесторонней. Разбитая, разъединенная Германія станетъ конгломератомъ нѣсколькихъ работающих и, можетъ быть, счастливыхъ, но мало значительныхъ Швецій.

Можно предвидѣть Италію усилившейся и поглотившей добрую толику славянъ и погрязшей въ Левантинской политикѣ, культурѣ и психикѣ; и создается новая ирредента,—уже не Триента, стремящагося къ Италіи, а Далмаціи и Додеканеза, отъ Италіи отры-

вающихся. И развернутся новые алкания, и захваты, и угрозы. Всего меньше предопределено движение Англии. Но кто знает, не придется ли ей, оказавшейся в совершенно новом мировом положении, почувствовать неожиданно давления на Австралию, Индию, Египетъ,—отложить въ дальній ящикъ прерванный могучій процессъ внутренняго социальнаго строительства, и заняться введеніемъ воинской повинности. А вновь образовавшіяся державы, маленькія «Великія» Сербія и Румынія, принуждены будутъ въ своемъ юго-восточномъ углу заняться повтореніемъ уже давно пройденной Европой исторіи.

Оставимъ это. Европа переживала кризисы, переживетъ, переработаетъ и этотъ. Конечно, но какъ и когда. Прецедентовъ нѣтъ, но тѣ, что могутъ быть, хотя бы и съ большою словностью, приведены,—мало обнадеживающіе. Послѣ войны 70 г. Франція прозябала въ теченіе четверти вѣка, утерявъ добрую часть своей бывшей культурной мощи. Только къ срединѣ 90-хъ годовъ снова стала она воскресать изъ маразма мелочности и застоя. А Германія изъ того же источника—какъ это столь часто отмѣчалось въ послѣдніа десятилѣтія—восстала не мало туманящихъ ядовъ самоупоенія. Можетъ быть, болѣе сходна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ современностью эпоха Наполеоновскихъ войнъ; ихъ длительность восполняетъ сравнительно меньшую интенсивность. И мы знаемъ, какова была реакція усталости и страха послѣ нихъ. Свыше тридцати лѣтъ понадобилось до первыхъ пробужденій. Десятилѣтія Европа лежала въ простраціи, въ безсильныхъ мечтахъ и крѣпкихъ тискахъ, въ позвѣи разочарованія и безочарованія, въ философій песимизма. Въ сущности только черезъ полъ вѣка она по-настоящему расправила свои члены и пустилась съ безудержной силой въ творчество новѣйшей культуры, культуры самодовлѣющей человѣчности. Она пережила, конечно,—но какъ?

И затѣмъ еще другая сторона, сторона рѣшающей важности, отличаетъ современную Европу отъ прежней. Прежде Европа и была—міромъ культуры и мощи; внѣ Европы былъ для творящей исторіи—культурный пустырь. Сейчасъ и внѣ Европы, въ частности внѣ Западной Европы, живутъ, рвутся къ работѣ, къ созиданію, рвутся къ вершинамъ мощи и культуры, а можетъ быть, и достигаютъ ихъ новыя страны. Когда то, когда застывала Западная Европа, съ ней вмѣстѣ покоялся и міръ, ожидая ея пробужденія. Теперь ея пробужденія міръ не ждетъ. Пусть въ этомъ счастье для человѣчества; въ этомъ—и приговоръ для Запада, для его культурной гегемоніи, для его творческаго руководства. Смѣщаются вершины человѣческихъ напряженій, перемѣщаются центры культуры. Европа спра-

вится,—разумѣтся; но міръ будетъ уже неузнаваемъ. Западъ ска- залъ свое слово, и сумерки на него надвигаются.

6.

Разумѣтся, не война создала этотъ процессъ; онъ шелъ и до войны, шелъ бы и безъ нея. Но онъ развивался въ непрерывной пре- емственности; въ непрерывной преемственности онъ росъ и су- ществующее въ назрѣвающее. Европа не вытѣснялась, а разроста- лась; и разростаясь, претворялась; и претворилась бы нѣкогда въ новую, мировую, океанскую культуру. Война не ускорила этого процесса, а сломала его; ибо война можетъ раздробить и отбросить, но не въ ея власти ускорить движеніе зрѣющей жизни. Намъ грозитъ культурный разбой, культурная неорганичность. Свергается За- падъ, но скоро-ли будетъ занято его мѣсто?

Возростающія внѣевропейскія вліянія на міръ усиливались из- давна. Главнымъ передаточнымъ звеномъ съ міромъ, дѣликомъ внѣ- европейскимъ, главнымъ орудіемъ переносившимъ въ него культуру и отчасти проводившимъ ее обратно въ Европу—была Англія. Она раз- бросила свои колоніи по обоимъ полушаріямъ, и первая стала под- линно-мировой державой. Ея колонія, оторвавшись отъ нея и раз- росшись, создала великую Американскую республику; она стала своей на Дальнемъ Востокѣ. Она продолжаетъ закладывать республики бу- дущаго—Австралію и Южную Африку, она же возвращаетъ міру колыбели древности—Египетъ и возрождающійся индійскій востокъ. Она же первая изъ европейскихъ державъ признала азиатское госу- дарство равню, заключивъ съ Японіей союзный договоръ.

Въ стлѣчїе отъ Англіи, Россія не почковалась, а главнымъ об- разомъ сама ширилась, разливалась на два материка. Латинскія державы, Испанія и Франція, потерпѣли уже давно крахъ въ мировой политикѣ—подъ ударами Англіи; современная же африкан- ская имперія Франціи пока носитъ преимущественно милитаристи- ческій характеръ и лежитъ вся еще въ неопредѣленномъ будущемъ.

Мощь Англіи лежала въ ея совершенно своеобразномъ мировомъ положеніи. Она черпала богатство и силы изъ своихъ заокеанскихъ владѣній, а между тѣмъ могла владѣть ими и оберегать путемъ срав- нительно незначительныхъ затратъ. Ибо не было внѣ Европы силы съ которой приходилось бы считаться; и потому, эксплуатируя миро- вую территорію, она защищала ее одною европейскою политикою. Раз- бросанное по всѣмъ материкамъ и морямъ тѣло своей державы она могла оставлять почти беззащитнымъ—слабо вооруженнымъ лишь

въ мѣру борьбы съ малокультурными туземцами, — лишь бы сильна была бронированная голова этого колоссальнаго тѣла, небольшой британскій островъ на сѣверо-западѣ Европы. Въ этомъ заключалась необычайная выгода ея положенія; этимъ диктовалась ея европейская политика.

Въ своей европейской политикѣ Англія была совершенно не заинтересована самой Европой, лишь бы только Европа не мѣшала ей за океаномъ. Отсюда два вѣковыхъ ея принципа: уничтожать колониальную мощь и заинтересованность европейскихъ державъ (последовательно—Испаніи, Голландіи, Франціи, теперь—Германіи), чтобы такимъ образомъ держать свое неизмѣримое колониальное тѣло внѣ кругозора и внѣ ударовъ европейскихъ—т. е. единственно сильныхъ—державъ. Въ предѣлахъ же самой Европы она могла ограничиться недопущеніемъ исключительнаго возростанія какой-либо одной европейской державы, ея неоспоримой гегемоніи на материкѣ; ибо только такая гегемонія утрежала Англіи, въ общемъ хорошо защищенной, своимъ островнымъ положеніемъ. Отсюда совпаденіе съ эгоистическими интересами страны ея политики, въ общемъ свободолюбивой и внутри и во внѣ. Отсюда—возможность для нея малыми военными силами держать въ подчиненіи и использовать грандіозныя владѣнія; отсюда необходимость для нея поддерживать свободу и самостоятельность менѣе сильныхъ европейскихъ народовъ; отсюда задача быть сильной только на морѣ; отсюда неизбежность грандіозныхъ, но рѣдкихъ потрясеній только для сокрушенія назрѣвавшихъ гегемоній (Испаніи, Франціи, теперь—Германіи). Беззащитное, громадное, на весь мѣръ расположившееся тѣло и крѣпко вооруженная голова, оберегающая его отъ поцолзновеній европейской силы, когда она становилась угрожающей. Законъ ея европейскихъ ударовъ показываетъ направленіе съ Запада на Востокъ, отъ моря вглубь материка. Въ послѣднемъ ея теперешнемъ конфликтѣ съ Германіей всецѣло отражается эта вѣковая политика. А между тѣмъ исходъ сегодняшней борьбы, даже и вполнѣ для Англіи побѣдоносный, поставитъ ее въ совершенно новое положеніе, ибо измѣнился къ настоящему времени мѣръ. Отчасти море перестало быть столь непреодолимой преградой, какъ когда-то. Но главное — внѣ Европы создались могучія державы, Японія и Сѣверная Америка; затѣмъ — сильная Россія, не нуждающаяся въ заморскихъ колоніяхъ, а уже однимъ своимъ продолженіемъ создающая грандіозныя колоніи; въ Европѣ же — обезсиленная Германія, Франція, ослабленная и къ тому же занятая своимъ усиливающимся мѣстнымъ соперникомъ, Италіей. Ослабленная Западная Европа и расцвѣтающія молодыя державы, стремящіяся къ

росту, расположенныя около завидныхъ мировыхъ ульевъ, частью уже бывшія въ столкновеніи (Японія—Россія), частью грозяція новымъ столкновеніемъ (Японія—Америка). Сдвинулась осьъ мировой политики, протянулись силовыя линіи—уже не по европейскому, а по мировому полю, перемѣстились центры силъ. И цѣликомъ опрокинутымъ окажется положеніе Англіи: въ Европѣ она наткнется на гегемона, который въ себѣ уже неразрывно включаетъ свои колоніи; а въ мірѣ ея мощная бронированная голова бесполезно будетъ продолжать сторожить уже неопасную Европу; незащищенное же тѣло, раскиданное по всѣмъ угламъ міра, окажется по сосѣдству со всѣми могучими мировыми силами. Такимъ образомъ—потеря Европой рѣшающаго въ мірѣ значенія ставитъ немедленно подъ вопросъ и непререкаемое могущество Англіи.

Вчера эти отношенія еще только назрѣвали; завтра они завершатся. Вторая половина XIX в. ознаменовалась не только расцвѣтомъ мощи и культуры Германіи, но и сформированіемъ въ типъ—Японіи и Сѣверной Америки; къ концу XIX в. Россія завоеваніями, построеніемъ желѣзныхъ дорогъ, ростомъ культуры стала и великой державой. Смѣна вѣка увидѣла необычное въ исторіи послѣднихъ вѣковъ: побѣды внѣевропейскихъ державъ надъ державами европейскими. Побѣда Сѣв. Америки надъ Испаніей было связано съ выступленіемъ заатлантической республики на поле международной политики, на путь соревнованія въ Китаѣ; столкновеніе Японіи съ Россіей, закрѣпило появленіе новой мировой силы *). Внутренне европейская война, приводящая къ пораженію Германіи и Австріи, идетъ съ другой стороны навстрѣчу этому процессу. Незачѣмъ, разумѣется, утверждать, чтобы континентальная Западная Европа этою войною и вовсе была скинута со счетовъ мировыхъ соревнованій: ея старыя споры еще будутъ сложно сплетаться съ тѣми, усложняя, затрудняя и путая общую картину. Но это, вѣроятно все, будутъ счеты мѣстные, или движенія подсобныя, вторичныя, сопровождающія основныя мировыя напряженія.

До сихъ поръ въ Европѣ рѣшались мировыя проблемы; еще и въ настоящей войнѣ такъ разсуждала нѣмецкая дипломатія, отвѣчая на выступленіе Японіи пренебреженіемъ (вѣроятно, дѣланнымъ),—завѣреніемъ, что на поляхъ европейскихъ сраженій, а не на Дальнемъ Востоцѣ рѣшатся судьбы мирового господства. Сейчасъ—въ послѣдній разъ—это еще было вѣрно; но уже и сейчасъ германская дипломатія, вообще оказавшаяся до крайности слабой, видимо не раз-

*) Пораженіе Италіи Абиссиніей не знаменуетъ, подобно отмѣченными явленіямъ, наступленія заокеанскаго міра на Европу.

считала, что и на полях Европы рѣшаются судьбы не одними европейскими силами. Африканскія, индійскія, канадскія войска сражаются съ нѣмцами у бельгійскихъ границъ; турки—за Кавказомъ; японскія войска еще только призываются французскими газетами. А американскіе штаты являются главнымъ нейтральнымъ адресомъ, по которому направляются протесты, и главнымъ нейтральнымъ защитникомъ европейцевъ во взаимно враждебныхъ государствахъ Европы.

Міровыя судьбы еще рѣшаются на поляхъ Европы, но онѣ рѣшаются уже при участіи внѣ-европейскихъ силъ. И результатомъ рѣшенія будетъ то, что поля Европы сохранятъ лишь мѣстное значеніе.

Не только въ государственномъ отношеніи подготавлился переносъ мірового центра тяжести, но и въ духовномъ—хотя и несравненно медленнѣе и меньше—сказывались внѣ-европейскія вліянія. Правда, внѣ-европейская духовная работа, поскольку получала міровое значеніе, вкладывалась, умѣщалась въ духовной работѣ Европы; или же если, отличаясь отъ нея, на нее воздѣйствовала, то все же—проходя сквозь ея фильтръ, претворяясь въ ея руслѣ. Россія, столбціями отъ Европы оторванная, все же множествомъ историческихъ нитей и связей дѣйствительности неразрывно съ Западомъ связанная, полу-Западъ, полу-Востокъ, все слышнѣе давала себя знать въ европейскомъ хорѣ ко второй половинѣ (или, что ли, къ третьей трети) XIX вѣка. Первородное дѣтище Запада—Сѣверная Америка, не имѣвшая особыхъ отъ Европы традицій, но переработавшая ихъ въ особую, и именно въ лишенную традицій средѣ.—уже вѣкъ тому назадъ вліяла на Европу своими политическими идеями. Въ технику Америка открывала новые пути, не только фактическими изобрѣтеніями, но самой смѣлостью захвата, рѣшительностью постановокъ проблемъ, натискомъ въ разрѣшеніи ихъ. Дѣло здѣсь не только въ распредѣленіи между матеріями осуществленной работы, дѣло въ самомъ духѣ этой работы, въ духѣ отношенія къ природѣ и жизни, если и не принесеннаго съ той стороны Атлантического океана, то получившаго оттуда могучій толчокъ и опору. Дѣло не въ томъ, что броненосныя суда и пушки тяжелыхъ калибровъ, телефоны и отчасти аэропланы имѣли Америку своею колыбелью или пробною мастерской; что она имѣетъ лучшія обсерваторіи и лабораторіи, что—въ противоположной плоскости—въ ней своеобразно развернулась религиозная жизнь. Дѣло въ томъ, что служитъ опредѣляющей характеристикой эпохи,—дѣло въ ритмѣ и темпѣ жизненной работы, которые ковались подъ встрѣчными воздѣйствіями Новаго Свѣта; дѣло въ интенсификаціи жизни,—и характерно, что именно орудія

межчеловѣческаго общенія и сообщенія получали въ Америкѣ такое чрезвычайное развитіе. Въ глубинѣ общественныхъ, трудовыхъ пластовъ—эти процессы были претвореніемъ, цвѣтеніемъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ же тенденцій, плотью отъ ихъ плоти; и потому воспринимались и частично впитывались, какъ родное и близкое. Въ чисто духовныхъ отраженіяхъ они получали уже специфическій характеръ, и въ этой специфичности воздѣйствовали своимъ заражающимъ своеобразіемъ. Иные американцы, Поэ и Уистлеръ, Туэнъ и Джемсъ, завоевателями вторглись въ Европу со своими столь различными и столь единымъ Американизмомъ.

Съ противоположнаго конца и Дальній Востокъ посылалъ свои могучія волны воздѣйствій. Собственно говоря, по массѣ воскрешенныхъ къ жизни восточныхъ цѣнностей девятнадцатый вѣкъ могъ бы быть названъ, между прочимъ, и вѣкомъ восточнаго возрожденія. И если это воскресеніе не положило столь же явной грани въ культурѣ міра, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ реценція эллино-римскихъ и іудейскихъ цѣнностей,—то отчасти, конечно, въ силу различія тѣхъ и другихъ по творческой дѣятельности ихъ содержаній, но отчасти и потому, что собственная творческая жизнь Европы настолько пышно и мощно разрослась за эти вѣка, что самый сильный притокъ не могъ уже спрскинуть или уменьшить инерціи ея напора. Но характерно для интересующаго насъ здѣсь вопроса то, что не только древній Востокъ, но и современный зазвучалъ въ нашихъ исконныхъ западныхъ аудиторіяхъ. Отчасти это только голоса людей Востока, работающихъ у себя или у насъ въ созданныхъ европейцами лабораторіяхъ. Но отчасти это и возвращенныя на Востокъ силы, религиозныя или художественныя, буддійскія настроенія и японское созерцаніе, совершающія свое вступленіе въ нашъ міръ. И, конечно, незначителенъ самъ по себѣ, но все же симптоматиченъ тотъ фактъ, что чуть-ли не наканунѣ войны увѣнчанъ былъ все-европейской преміей—Таторъ, индійскій поэтъ, сдѣлавшійся міру известнымъ въ англійскомъ переводѣ.

Бездна перекрещивающихся творческихъ потоковъ и вліаній сплетается въ современности. Но доселѣ они сплетались и синтезировались въ мировую культуру—въ европейской кузницѣ, на наковальнѣ европейской традиціи, подъ согласованно-ритмическими ударами молотовъ европейскаго творчества. Сейчасъ эта наковальня будетъ раздроблена, самый ритмъ нарушенъ. Обручь, скрѣплявшій мировую культуру, ослабѣетъ,—и разбѣются, разсыплются отдѣльные ея двигатели. Кснчается великая эпоха единой ново-европейской культуры. Изъ средоточія міра станетъ Западная Европа одной изъ его провинцій, поучительнымъ памятникомъ и кладбищемъ,—

увеличенной Венеціей, цѣлью общеобразовательныхъ экскурсій, расплывшимся на нѣсколько странъ акрополемъ.

Ибо сумерки опускаются надъ Европой.

7.

Я не собирався на предыдущихъ страницахъ описывать то будущее, которое будетъ; я только говорилъ о томъ будущемъ, которымъ чреваты бури настоящаго. Его черты кажутся мнѣ сходящимися въ одной точкѣ: въ грандіозномъ ударѣ, наносимомъ современными событиями Западной Европѣ, ея стремившейся къ единству культурѣ, ея міровой гегемоніи, политической и духовной. И косвенно подъ ударомъ оказывается неисчислимыми массовыми усиліями выработанный, потомъ и кровью оплаченный типъ человѣчества, человѣческой души, общежитія, подъ ударомъ оказывается налаживавшееся единство міровой культуры, ея общій языкъ и согласный строй.

Нѣтъ основаній для того, чтобы этотъ выводъ самъ по себѣ былъ признаваемъ пессимистическимъ или оптимистическимъ. Культура есть категорія историческая, и не впервой претерпѣваетъ ея крушеніе или смѣна. Созданное прошлымъ не исчезаетъ, и войдетъ неотъемлемой составной частью во всякое будущее человѣческое созиданіе. Творчество запада и не изсякнетъ, а будетъ и впредь отстаивать себя, свои драгоценныя традиціи и свойства, въ грядущихъ бореніяхъ и соревнованіяхъ. Можетъ быть, міръ станетъ богаче, красочнѣе, разнообразнѣе и значительнѣе; можетъ быть, также разростется и умножится его цѣнности и святыни, какъ разростается его мощь за предѣлами «стараго міра», какъ разрослась культура географически, разлившись или оживши по всѣмъ материкамъ. Можетъ быть, человѣкъ подымается въ новыя чудесныя сферы, и сверженіе западной культуры окажется не уничтоженіемъ, а освобожденіемъ другихъ; провинціализація Западной Европы окажется не низведеніемъ ея, а возведеніемъ другихъ; раздробленіе ея дастъ не смерть, а рожденіе другимъ. И вотъ—мы получаемъ оптимистическій выводъ изъ намѣченнаго выше.

Но это выводъ для далекихъ, для наиболѣе далекихъ перспективъ, это выводъ для предѣла тѣхъ тенденцій, которыя получили сейчасъ усиленный и искажающій толчокъ. Процессъ же не включаетъ предѣла, а заключается въ постепенномъ, медленномъ, еще далекомъ отъ него становленіи. При всемъ неизмѣримо быстромъ темпѣ современныхъ движеній, созиданіе культуръ есть дѣло отдаленнаго будущаго; и низверженіе гегемоніи совершится не сразу и дастся не безъ отчаянныхъ противодѣйствій и частичныхъ реци-

дивовъ. Западная Европа оскудѣетъ; когда нибудь это приведетъ къ новымъ расцвѣтамъ, но пока мы будемъ имѣть оскудѣвшую, даже—что еще хуже—только оскудѣвающую Европу. Престигъ Запада подорванъ; когда нибудь это приведетъ къ новымъ возрожденіямъ, но пока мы будемъ имѣть только морально ославленную современность. Гегемонія сметена; когда нибудь установятся новыя равновѣсія, но пока мы будемъ имѣть отчаянную борьбу за гегемонію, за то, чтобы установить ее или возстановить,—будемъ имѣть усиленіе безразсудныхъ напряженій, бесплодныхъ нажимовъ. Европа станетъ провинціей новыхъ творческихъ центровъ; когда нибудь выяснятся эти центры, но пока мы будемъ имѣть лишь провинціализмъ. Европа раздробляется; когда нибудь ея части войдутъ въ составъ новаго синтеза, но пока мы будемъ жить среди разрозненныхъ частей.

И вотъ если не стоять на плоскости міровыхъ эпохъ, а ощущать кратковременность жизни человѣческаго поколѣнія,—точка зрѣнія общественно-законная и лично неизбежная,—то иное зарождается чувство. Наше поколѣніе вступило въ жизнь и прожило часть ея въ исключительно содержательной, необычайной, богатѣйшей въ исторіи эпохѣ, въ «Перикловѣ вѣкѣ» Новой Европы. Настали «Пелопонесскія войны», и мы сойдемъ въ могилу на длинномъ пути регасрега, звѣзды котораго, можетъ быть, мыслимо будетъ угадывать, но невозможно будетъ созерцать сквозь поднятія разрушительными вихрями густыя облака мусора и пыли.

И да будетъ позволено тѣмъ изъ насъ, кто чувствовалъ себя европейцами и въ Европѣ осылавъ свою духовную родину, близкое и родное себѣ,—скорбью встрѣтить ея роковыя сумерки.

Но—оптимизмъ или пессимизмъ, для практики всегда долженъ быть только одинъ выводъ—дѣйствительный. Пусть лучшія достоинства западной культуры, культуры самодовлѣющей человѣчности, продолжаютъ хотя бы тлѣть среди пепла—для новыхъ, возгораній, для будущихъ огней. Какъ бы ни были непроницаемы туманы, не забудемъ, что всюду есть люди, остающіеся неотуманенными. Здоровое чувство и прямая мысль сохраняются и при тяжчайшихъ эпидеміяхъ; голосъ чести звучитъ, даже когда не доносится. Пусть мы оглохли отъ разрушительныхъ залповъ, сохранимъ нашъ внутренній слухъ. Сохранимъ и надежду на разрозненное братство тѣхъ, кто скорбитъ одною съ нами скорбью и, расскіянные, сознаютъ единую отвѣтственность за общее состояніе—суровой правды и теплой человѣчности.

Григорій Ландау.

Война и современная литература.

Не оживеть еще не умереть.

Ан. Павелъ.

I.

Когда неожиданно для миллионов и десятков миллионов людей началась европейская война, жизнь сразу для всех нас перевернулась. Перевернулся центр тяжести ее, многое, чем мы преимущественно интересовались в обычное время, показалось не важным, и многое истинно-важное, что постоянно убегало от нашего внимания и сознания, что мы не успевали по настоящему продумать, пережить в процессе духовной работы, вдруг заглянуло так прямо в глаза, настойчиво спрашивая: «Ну, так как же?». Произошло во многих человеческих душах то, что происходит в душах почти всякого сознательного и сложного человека, когда повесть надь ним или его близкими смерть, когда он не верхушкою легко-притупляющегося сознания, а непосредственным внутренним ощущением поймет, что такое смерть, и хоть на мгновение уловит ее смысл, почувствует ее реальность, разрушающую собою привычную нам реальность жизни. Многие тогда становятся ненужным из того, что вчера еще казалось нужным или желанным, ибо в душах, даже совсем не просветленной никаким философским разумением, создается в эти минуты иное, высшее мерило для определения ценности предметов и явлений! Прахом рассыпается, как призрак разбивается многое в жизни, или же становится, таким докучным, таким жалким в своей притязательности на успех и внимание. Вчера я могъ пойти в ресторанъ и въ оперетку или заглянуть изъ любопытства въ театръ на представленіе новой пьесы, хотя заранѣе зналъ, что никакого настоящаго художественнаго впечатлѣнія оно не дастъ мнѣ. Сегодня мнѣ было бы уже не только странно, но невыносимо попасть туда, все оскорбляло бы меня тамъ своей крикливой суетностью. И только самое настоящее въ искусствѣ,

озаренное свѣтомъ вѣчности, уводящее меня въ такую глубину, гдѣ уже сливаются тайны жизни и тайны смерти,—только оно остается мнѣ желаннымъ, нужнымъ, утѣшительнымъ. О другомъ мнѣ хотѣлось бы просто забыть.

Такъ чувствовали многіе, когда началась война, когда зашаталась привычная устоя жизни, и она предстала намъ въ новой серьезности; когда словно упали стѣны, замыкающія обычное существованіе каждаго отдѣльнаго человѣка и ограничивающія его горизонтъ; когда невозможно стало закрывать глаза на самое страшное и непостижимое, уклоняться отъ бремени, возложеннаго на насъ Судьбою, какъ бы оно ни было тяжело, заглушать въ себѣ чувство ответственности за все происходящее и за все, что еще предстоитъ намъ впереди. И то, чѣмъ вчера еще можно было по-обывательски или по-профессиональному интересоваться, вдругъ словно сгнуло, было выброшено изъ сознанія. «Беллетристика», красивые, но лишеныя настоящаго духовнаго содержанія, созданныя поверхностной игрою чувствъ стихи—нельзя было даже прикасаться къ этому, ибо все это гораздо яснѣе, чѣмъ прежде, ощущалось, какъ *не настоящее*. А все поддѣльное въ искусствѣ, созданное ухищреніями художественной техники при участіи одного только разсудка, а не сердца и совѣсти, болѣе, чѣмъ когда-либо, выдавало свою мертвенность или прямо фальшь. И хотѣлось уйти отъ всего того, что вчера еще было злобою дня и—волей-неволей—приковывало къ себѣ вниманіе. Не читать ничего—или почти ничего—изъ того, что вчера еще именовалось современной русской литературой,—и ужь, конечно, не писать объ этомъ. Молчать, дѣлая иное, думая объ иномъ и надеясь, что тамъ, въ литературѣ, быть можетъ, наступитъ многозначительное затихнѣе, люди поймутъ, какъ ужасно рѣжетъ теперь всякое невыстраданное слово, почувствуютъ, что искусство, не прокаменное въ огнѣ напряженно работающаго духа и не согрѣтое кровью сердца, всегда есть только дешевая роскошь и развратъ, и что теперь, передъ лицомъ той трагедіи, которая разыгралась въ мірѣ, передъ лицомъ сотенъ тысячъ умирающихъ за насъ людей, всякая роскошь вопіетъ къ совѣсти, а дешевая, поддѣльная, показная роскошь просто отвратительна,—и, какъ никогда, гнусенъ, кощунственно-шлетворенъ развратъ.

II.

Я вовсе не хочу сказать, что на время войны—даже нынѣшней, еще небывалой не только по размѣрамъ и смертоносности, но и по внутреннему трагизму для всѣхъ, вѣровавшихъ въ культуру, должно замолкнуть всякое искусство и прекратиться всякое художественное

творчество. Я вѣрю, напротивъ: поскольку существуютъ среди насъ, въ какой бы то ни было области искусства, живыя и благородныя души и ненадорванные, строгіе къ себѣ таланты, постольку самыя муки нашего времени будутъ содѣйствовать ихъ углубленію и укрѣпленію. Потому что по настоящему переживать эти муки, отбросивъ всякія малодушныя иллюзіи, ничего для себя искусственно не упрощая,—значить постоянно улавливать внутреннимъ слухомъ невнятный шопотъ совѣсти и раскрывать для себя его истинный смыслъ въ безстрашной и напряженной работѣ ума. Кто этотъ духовный трудъ вынесетъ до конца, не остановившись на полдорогѣ, не поддавшись психической усталости отъ потрясающихъ, изнурительныхъ своей остротой и сложностью впечатлѣній, тотъ по новому ощутитъ трагическую святость жизни и съ прояснившимся внутреннимъ зрѣніемъ пойдетъ по пути ея творческаго обновленія.

Совмѣстимъ ли этотъ трудъ пересмотра всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ жизни, совмѣстима ли вся эта внутренняя страда съ чисто-художественною работою? Кто скажетъ! Толстой переставалъ писать художественныя вещи въ то время, когда вплотную подступали къ его душѣ вопросы совѣсти и разума, уходилъ въ иного рода дѣланіе. Но это не значитъ, что и въ немъ,—съ его индивидуальными особенностями и при его характерѣ умственной работы,—высыхали на это время родники творчества. Они лишь пробивались какими-то особыми, подземными, подпочвенными путями и выходили на поверхность иногда много времени спустя. У другихъ это можетъ быть иначе, ибо странно разнообразны пути творчества, какъ разнообразны художественныя организаціи. Но одно несомнѣнно: ни одна сколько-нибудь значительная душа, ни одна живая талантъ современности не можетъ остаться въ сторонѣ отъ совершающихся событій, не можетъ не ощутить, что *самое главное*, безъ чего нельзя больше жить достойною, вполне сознательною и дѣйственною жизнью, еще совѣмъ не додумано и недочувствовано людьми и что, только продвинувшись впередъ въ этомъ отношеніи, заново пересмотрѣвъ огромными единичными и общими успліями вопросъ о культурѣ, о томъ, что такое истинная культура,—мы спасемся отъ мрака, отчаянія и психическаго разложенія. И если бы даже нужно было всѣмъ большимъ людямъ и художникамъ,—чтобы дострадаться до чего-нибудь въ этихъ вопросахъ,—переломить всю свою жизнь и совѣмъ отказаться на время отъ работы чистаго творчества, которое требуетъ, быть можетъ, большаго внутренняго равновѣсія и большей сосредоточенности на данной, конкретній задачѣ,—пусть. Это неизбежно. Ибо взметенный огромностью событій и связанныхъ съ ними собственныхъ переживаній, духъ художника все равно не будетъ спо-

собенъ творчески оформлять впечатлѣнія жизни, пока не оформитъ себя самого.

Будетъ ли при этомъ художникъ, объятый потребностью въ болѣе глубокой, обновительной правдѣ, сосредоточенно допытываться ея у своего разума и рыться въ поискахъ за нею въ книгахъ, или, отдавшись порыву чувствъ и страсти, выйдетъ въ мѣръ, на борьбу, на подвигъ, который принесетъ ему новыя прозрѣнія,—это дѣло его личной организаціи. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, уходя временно отъ своей профессиональной работы, онъ будетъ лишь осуществлять свое призваніе. «Духъ вѣсть, гдѣ хочетъ»,—а настоящій, большой художникъ всегда есть орудіе Духа, а не поденщикъ своего художественнаго ремесла.

О настоящихъ серьезныхъ талантахъ не нужно, потому, тревожиться, и я совершенно несогласна съ извѣстнымъ художественнымъ критикомъ Александромъ Бенуа, который въ своей напумѣвшей полемикѣ съ бар. Врангелемъ, отказавшимся на время войны отъ писательской работы,—заявилъ, что истиннымъ и достойнымъ своего дѣла художникомъ онъ можетъ признать только того, кто и нынѣ, при всѣхъ обстоятельствахъ и «несмотря на все», останется «вѣренъ своему дѣлу». Есть что-то мертвящее, измельчающее въ вопросѣ о призваніи и роли художника въ этой постановкѣ вопроса. Былъ ли вѣренъ себѣ и своему призванію Толстой, когда, бросая перо, онъ шелъ обучать крестьянскихъ ребятъ или ѣхалъ кормить голодающихъ? Викторъ Гюго, когда онъ въ 1851 г., отстаивая республиканскія идеи, сражался на баррикадахъ? Ницше, когда онъ пошелъ на войну 1870 г. въ качествѣ брата милосердія? Микель Анджело, когда онъ, участвуя въ борьбѣ Флоренціи съ изгнанными оттуда Медичи, возводилъ городскія укрѣпленія и защищалъ особыми матрацами отъ непріятельскихъ выстрѣловъ колокольню Санъ-Миніато? Какъ будто, отдаваясь въ исключительную эпоху не впечатлѣніямъ и не размышленіямъ только, но *дѣламъ*, требующимъ цѣлостнаго напряженія духа и воли, настоящій художникъ пресѣкаетъ въ себѣ тѣ сложныя внутренніе процессы, результатомъ которыхъ является его художественная дѣятельность. И какъ будто цѣнность созданій художника не зависитъ отъ глубины и энергіи тѣхъ его *человѣческихъ* переживаній—не только умственныхъ и эмоциональныхъ, но и волевыхъ,—въ атмосферѣ которыхъ, часто безсознательно, зарождаются его концепціи.

III.

Въ нашей современной художественной и поэтической литературѣ нѣтъ титановъ и очень мало духовно-значительныхъ натуръ.

Есть таланты, но нѣтъ характеровъ, а характеръ—это вѣдь сосудъ таланта, сохраняющій его и придающій ему опредѣленную цѣльную форму. Есть среди поэтовъ окрыленные умы, но эта интеллектуальная окрыленность не обезпечиваетъ сама по себѣ духовной значительности и дѣйственности творчества, ибо творчество почерпаетъ свое содержаніе не изъ ума только, но изъ внутренняго опыта, изъ непосредственныхъ переживаній души,—и если душа суха, или худосочна, или рыхла и изъѣдена пороками,—творчество, несмотря ни на какія прикрасы таланта и ухищренія ума, будетъ такимъ же. Быстро опредѣлялись въ своихъ индивидуальныхъ психологическихъ особенностяхъ таланты двухъ послѣднихъ десятилѣтій, но и быстро изживали себя. Сколь немногіе изъ нихъ дѣйствительно росли, развивались, углублялись съ теченіемъ времени. Большинство изъ нихъ, не переставая жить весьма культурною жизнью и много писать, съ извѣстнаго момента уже повторялось и шло на убыль. Ограниченность внутренняго опыта и отсутствіе сосредоточенной работы—работы не надъ своими произведеніями только, но *надъ собою*, ради нравственнаго просвѣтленія всего своего существа—постоянно давало себя чувствовать въ ихъ произведеніяхъ. Многіе изъ нихъ выпли въ жизнь, въ литературу съ лозунгами «свобода творчества» и «переоцѣнка цѣнностей», многіе провозгласили себя носителями новой художественной и поэтической правды. Но, будучи «индивидуалистами», замкнутыми въ своемъ, всегда ограниченномъ «я» и «комнатными людьми», неспособными приобщиться чувствомъ и вслей къ широкой общечеловѣческой жизни, они оставили только одно цѣнное наслѣдіе—обогатили и утончили культуру художественной формы. Свобода творчества, принципъ которой имъ приходилось выдвигать противъ публицистической критики, свелась у нихъ на дѣлѣ къ неразборчивой и недержанной откровенности въ обнаруженіяхъ своего эмпирическаго «я», со всеми его случайными искривленіями и язвами, со всеми его прихотями и похотями. А процессъ «переоцѣнки цѣнностей» оказался не самостоятельной органически-творческой работой, какъ, напр., у Ницше, но лишь своего рода «подборомъ» готовыхъ идеологическихъ мотивовъ изъ разныхъ эпохъ исторіи и разныхъ европейскихъ и внеевропейскихъ культуръ, примѣнительно къ своему индивидуальному уклону. Начала возрожденной въ нѣкоторыхъ кругахъ христіанской догматики, идеи неоплатониковъ, теософскія ученія причудливо сочетались здѣсь съ ницшевскимъ «аморализмомъ» и культомъ темныхъ и прятныхъ наслажденій въ духѣ развращеннаго экзотизма, упадочнаго Рима и разныхъ своеобразныхъ языческо-христіанскихъ сектъ.

Замѣчательно, что тѣмъ же презыблкомъ разсудочной культур-

ности, тѣмъ же эклектизмомъ идей, прикрывающихъ разгулъ чувственныхъ инстинктовъ, тою же скудостью всеобще-человѣческихъ мотивовъ—мотивовъ совѣсти и сердца—отличалась за послѣднiя десятилѣтiя не только русская, но и французская, нѣмецкая, отчасти итальянская литература. Были однако немногiя прекрасныя исключенiя на Западѣ, какъ и у насъ. Были предвѣстники новыхъ теченiй. Тамъ, какъ и тутъ, назрѣвалъ уже повидимому поворотъ къ чему-то новому отъ восторжествовавшей въ искусствѣ, какъ и въ жизни, «индивидуалистической культуры», оперирующей преимущественно силами ума и изощренной техники, но неспособной подавить въ людяхъ жестокия темныя инстинкты и обновить жизнь на землѣ.

Вдругъ разразилась война. Грозная, могущественная сила, сила желѣзной дисциплины спаяннаго, надменнаго въ своей боевой готовности народа, двинулась на западъ и на востокъ, презрительно попирая международные договоры и съ первыхъ же шаговъ ужасая мiръ своей беспощадностью... Никому не подъ силу было сначала осмыслить для себя умомъ и объять фантазiей все значенiе разыгравшихся событiй, да и теперь никому не подъ силу, ибо они все разрастаются, все усложняются, ломая первоначальныя намѣченныя человѣческимъ разсудкомъ схемы, потрясая воображенiе—по мѣрѣ того, какъ оно пригнетается къ нѣкоторымъ сторонамъ совершающагося, — все новыми и новыми явленiями, передъ безмѣрнымъ трагизмомъ которыхъ, молча, до послѣднихъ глубинъ своихъ трепещетъ душа. Но вся эта сложность и не вмѣщающаяся въ насъ огромность происходящаго ни отъ кого не можетъ затмить одной несомнѣнной истины, удостоверяемой каждодневными фактами, утверждаемой въ насъ впечатлѣнiями, приходящими отовсюду: та культура, которою жила, передъ которой преклонялась Европа, ни въ какой степени не спасаетъ людей отъ дикарской жестокости, нравственной тупости и низости, не воспитываетъ *человѣка* въ *человѣкѣ*, — и если существуетъ въ мiрѣ благородство, доброта, способность жертвовать всеми благами жизни и самую жизнь изъ чувства долга и изъ великодушной потребности спасать другихъ, то все это—помимо культуры и ея воздѣйствiй, всеѣмъ иными силами, въ всеѣмъ иныхъ плоскостяхъ духовнаго существованiя.

Ужасъ крушенiя привычныхъ цѣнностей, смятенiе души передъ зрѣлищемъ небывалаго кровопролитiя, непоимѣрное, изнурительное напряженiе нервовъ въ откликахъ на перекрещивающiеся призывы къ помощи,—все это вызывало въ людяхъ потребность найти въ чемъ-нибудь духовную опору, источникъ обновленiя силъ. Гдѣ-то вѣдь запечатлѣлась и та благодать совѣсти и сердца, благодать Духа, безъ

которой страшенъ, какъ разлагающійся трупъ, былъ бы теперь весь міръ. Искусство, литература—тамъ прежде всего надо искать спасенія и силъ для разрѣшенія павшихъ на насъ задачъ. Тамъ радость вѣспныхъ откровеній, тамъ свѣтъ, струящійся изъ міра незримаго... Но русская и европейская «новѣйшая» литература, за самыми немногими исключеніями ничего не могла дать для утоленія нашего тоскующаго духа,—и казалось даже вначалѣ, что она просто сгинетъ, будетъ безслѣдно сметена вихремъ глубокихъ, великихъ событій.

IV.

Она продолжаетъ, однако, существовать. Съ прежнею самоувѣренною быстротою наловчившихся въ своемъ дѣлѣ людей, писатели продолжаютъ свою работу въ стихахъ и въ прозѣ, безбоязненно хватая темы «изъ текущей жизни»: они, по своему, уже приспособились къ войнѣ, начинающей собою новую эпоху. Но холодомъ и тѣломъ вѣбеть почти отъ всего, что они печатаютъ,—даже отъ лирическихъ отрывковъ, не требующихъ особой цѣльности и строгости содержанія, не говоря уже объ эпосѣ и драмѣ. Они понимаютъ, что жить въ прежней душевной оторванности отъ міра, обшаривая только затхлые туннели и закоулки личной психологій, внѣ тѣхъ душевныхъ и духовныхъ токовъ, которые соединяютъ разнородныхъ людей въ одно органическое цѣлое,—значить теперь вовсе не жить для другихъ, сойти со сцены. Но подобно одряхлѣвшимъ пѣвцамъ, которые продолжаютъ ловить убѣгающую отъ нихъ славу, они упорно не хотятъ сойти со сцены. Бессильные приобщиться къ народной жизни, неспособные по настоящему любить, страдать и отдаваться захватывающему, неудержимо толкающему къ дѣламъ чувству долга, они обречены—въ лучшемъ случаѣ давать частичныя, робкія, импрессионистическія отраженія жизни, безъ малѣйшей надежды влить въ нее что-нибудь отъ себя,—въ худшемъ случаѣ просто рѣмовать звучныя слова съ пустотою въ душѣ, вымучивать изъ себя, поддѣлываясь подъ общія мысли и настроенія, безжизненные или же взятые изъ жизни, но не оформленные настоящимъ творческимъ процессомъ образы. Хочется иногда крикнуть тому и другому изъ нихъ, въ комъ чувствовался когда-то настоящій талантъ, въ комъ не погасла еще послѣдняя человѣческая искра: не надо, ради Бога не надо! потому что говорить пустыя и поддѣльныя слова на *эти* темы, пытаться въ такое время привлекать къ себѣ вниманіе толпы, не давая ей, въ отвѣтъ на вниманіе, ничего живого, отъ своего сердца,—это просто нельзя, это недостойно...

отношений, которые возникали с первого момента приобщения Германии к колониальной политике до последнего времени и в которых содержится важнейшая разгадка нынешнего конфликта. Мы только подчеркиваем, что к концу 80-х годов уже сказалось резкое расхождение между Англией и Германией, и берлинская конференция по вопросу о Конго заложила первый и прочный камень враждебного охлаждения между «кузенами» по крови. И как же знать, не потому ли Бисмарк так долго и упорно противился уклонению Германии на новые империалистические пути, что предчувствовал в своей государственной интуиции, к каким роковым последствиям может привести это уклонение, сталкивающее Германию с Францией и с Англией? На первом камне охлаждения постепенно нарастали другие, и так было воздвигнуто сложное здание политических отношений, предопределявших в достаточной мере дальнейший ход событий. Англия выходила из состояния блестящего одиночества, по мере того как Германия разставляла на земном шару свои своего торгово-промышленного и колониального могущества и влияния. На протяжении ближайшего к нам десятилетия была соткана цвѣлая сеть дипломатических переговоров, а еще больше дипломатических недомолвок, в петлях которой незримо билась тревога за грядущее, и эта ткань составила из германо-франко-английских колониальных сплетений украшенных вдобавок пестрым узором беспокойной ближневосточной политики. Проследить эти «цветные» сплетения, с чернокожими и желтокожими прожилками, значит уяснить себе смысл невиданной по упорству исторической войны на многих фронтах и борьбу немногих германских крейсеров в водах Тихого океана с флотом японским и английским, понять токийские ликования и симпатический отклик на эти ликования в европейских центрах.

За тридцать лет своей колониальной политики Германия приобрела, как сказано выше, в Европе 3 миллиона квадратных километров суши и 12 миллионов цветного населения. Много ли это или мало? Колониальные владения Англии и Франции выражаются в круглых цифрах: первая—30 милл. квадр. километров и 376 миллионов населения, вторая—10^{1/2} милл. кв. килом. и 54 миллиона населения. Германия, мы видим, много отстала от Франции и Англии. Но Германия распространила шпатель своей великодержавности всюду, где могла, где поднимались значительнейшие задачи распределения или раздела мира. В своем новом империалистическом устремлении, поддержанном или вызванном «духом милитаризма», она вкладывала и свои персты в большие проблемы прежних и новых вѣков, озабочивавшие до недавнего времени лишь другие державы. Появившись с значительным опозданием на арену колониальной борьбы и следовательно борьбы за мощь, она с тем большей энергией и настойчивостью давала выход своей «грубой воле».

И вот эти именно шпатель-колонии, при помощи которых новая Германия присосалась к внешнему миру, которые являлись каналами для притока немецкой предприимчивости, силы, государственной культуры, срѣзаны несколькими ударами. Отняты Камерун и Того, отобрано—для возвращения Китаю?—Кiao-Чао, утеряны океанские архипелаги, в которых после державных налетов, отдыхали германские крейсера и дредноуты. Приобретенные десятилет-

НАБРОСКИ.

тїями колониальнаго расширенїя сферы влїянїи очищены отъ германскаго духа. И въ этомъ очищенїи, сводящемъ къ нулю огромныя усилїя утвердиться въ великомъ мїрѣ, главное политическое значенїе понесенныхъ Германїей колониальныхъ потерь. Въ немъ самый, быть можетъ, яркїй моментъ драматической для Германїи эпопеи. Является ли это сведенїе къ нулю того, что сдѣлалъ 70-милліонный германскїй народъ, лишь кратковременнымъ или очень длительнымъ,—на этотъ вопросъ дастъ свой отвѣтъ будущее.

И. Брусиловскїй.

Наброски.

1. Война съ нѣмцами и травля нѣмца.

Талантливый но безпринципный публицистъ «Русскаго Слова», г. Баянъ, жаловался недавно на странныя претензїи своихъ читателей. Онъ сталъ получать письма, въ которыхъ читатели просили его прекратить нападки на кайзера, вообще умѣрить тонъ въ обличенїи нѣмцевъ. Г. Баяна эти письма не мало озадачили. Исходилили они, очевидно, отъ людей русскїхъ и притомъ настроенныхъ глубоко патріотически, живущихъ вѣрой въ побѣду русской арміи. Иначе не стоило-бы, конечно, съ этими людьми считаться г. Баяну. Но и этимъ русскимъ, патріотически-настроеннымъ людямъ надобла газетная война противъ нѣмцевъ, вѣрнѣе—непрерывная газетная ругань.

Г. Баянъ приписалъ такое настроенїе нѣкоторыхъ своихъ читателей ихъ душевной усталости. Самъ онъ держится того мнѣнїя, что нѣмцевъ надо ненавидѣть остро, и притомъ всѣхъ нѣмцевъ надо ненавидѣть. Кайзера, пожалуй, можно и не ругать. Это ужъ чересчуръ безвкусно и эту ненависть можно предоставить мелкой уличной прессѣ. Но Германїю надо ненавидѣть, потому что, какъ же иначе то воевать? Война безъ ненависти, говоритъ г. Баянъ, это то же, что поцѣлуи безъ любви. Безъ ненависти къ врагу воюютъ только ландскнехты, наемники. Воюя съ врагомъ, народъ долженъ его ненавидѣть.

Отсюда слѣдуетъ, что націоналистическая пресса, возбуждая ежедневно ненависть къ Германїи и германскому народу, расписывая яркими красками злѣрства, не просто потрафляетъ вкусамъ своего читателя, но и дѣлаетъ великое патріотическое дѣло. Если нельзя воевать безъ ненависти къ врагу, то печать исполняетъ свой долгъ, разжигая эту ненависть. Можно сказать, что чѣмъ больше старается въ этомъ направленїи печать, тѣмъ лучше служить она родинѣ. Но тогда при всемъ своемъ усердїи и патріотизмѣ г. Баянъ, напримѣръ, изъ «Русскаго Слова» да и его газета далеко уступаютъ

СЪВЕРНІЯ ЗАПИСКИ.

мелкимъ уличнымъ листкамъ. Г. Баянъ, какъ мы видѣли, согласился пощадить кайзера, дѣлая уступку литературному и эстетическому вкусу. Уличные же листки не дають спуска и кайзеру. Глубочная литература и живопись представила за время войны такіе яркіе образцы ненависти и презрѣнія къ врагу, такъ измывалась и надъ Вильгельмомъ и надъ Францемъ-Иосифомъ, въ такомъ представила ихъ неприглядномъ, позорномъ, отвратительномъ видѣ, что куда же г. Баяну и другимъ публицистамъ этого рода оружія!

Но дѣйствительно ли ненависть къ врагу является необходимымъ условіемъ успѣшной войны? Вотъ что удивительно. Ненависть къ германцамъ растетъ, можно сказать, обратно пропорціонально разстоянію, отдѣляющему отъ врага. Многочисленныя корреспонденціи съ театра войны, единогласно свидѣтельствуя о выдающейся храбрости, самоотверженности русскаго солдата, объ его стойкости въ бою, объ упорствѣ и силѣ его штыковыхъ атакъ, такъ же единогласно свидѣлствуютъ объ его добродушномъ, далекомъ отъ ненависти, отношеніи къ врагу. Солдаты хорошо относятся къ плѣннымъ. Зная и цѣня силу своего противника, его мужество и техническую подготовленность, они относятся къ нему съ уваженіемъ и далеки отъ дешеваго зубоскальства глубочныхъ картинъ. Отношеніе русскаго солдата къ противнику-нѣмцу никакъ нельзя назвать ненавистью. Въ пылу борьбы, въ непосредственныхъ схваткахъ, иногда грудь съ грудью, объ стороны дерутся съ отчаянной жестокостью. Бывали случаи, когда раненые подымались и стрѣляли другъ въ друга. Бывали случаи, когда уже умпраюціе собирали послѣднія силы, чтобы нанести ударъ противнику... Но чувства, переживаемыя въ такіе моменты, трудно опредѣлить и втиснуть въ какую либо одну рубрику. Врядъ-ли и ненависть явится подходящимъ опредѣленіемъ. А въ моменты болѣе спокойныя, когда можно распознать чувства и разобраться въ нихъ, русскій солдатъ не живетъ ненавистью къ врагу. Объ этомъ свидѣлствуютъ все наблюдатели. Объ этомъ же свидѣлствуетъ и русская художественная литература. Вспомните «Севастопольскіе рассказы», «Войну и миръ», очерки Гл. Успенскаго. Солдаты умѣютъ сражаться и безъ той ненависти къ врагу, какой горятъ все штатскіе публицисты націоналистической прессы. Солдату, очевидно, эта ненависть и не нужна, и русскій солдатъ не является въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Въ русскомъ народѣ живетъ всегда нѣкоторая глухая непріязнь къ «нѣмцу», совершенно недостаточная для того, чтобы перейти въ ненависть. Но вотъ у французовъ эта непріязнь и сильнѣе и опредѣленнѣе. Французы не любятъ нѣмцевъ и пользуются взаимными симпатіями. Бои на Марнѣ отличались крайней ожесточенностью. Еще болѣе жестоко

дрались съ нѣмцами англичане и бельгійцы на Иверѣ. Но на прочемъ протяженіи длиннаго фронта стороны вели долгую сравнительно мирную «позиціонную» войну. Траншеи сблизились настолько, что нѣмцы могли разговаривать съ французами, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно было наблюдать картины прямо идиллическія. Французы и нѣмцы ходили поочередно къ одному и тому же колодцу и установили опредѣленные часы для одной и другой стороны. Охотились на зайцевъ, пробѣгавшихъ между траншеями, и соблюдали нѣкоторыя правила охоты. Обмѣнивались солдатскими шутками и комплиментами—и послѣ того шли въ атаку другъ на друга.

Надо полагать, что по части патріотизма, готовности умереть за родину солдаты, сражающіеся на передовыхъ позиціяхъ, нисколько не уступаютъ публицистамъ, укрѣпившимся на безопасныхъ позиціяхъ въ редакціяхъ патріотическихъ газетъ. Но именно тамъ, на позиціяхъ передовыхъ и опасныхъ, никому не нужно разжиганіе ненависти къ нѣмцу, размалевываніе звѣрствъ и ужасовъ. Ужасами тамъ, на театрѣ войны, никого не удивишь. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, будь нѣмцы благороднѣйшимъ народомъ въ мірѣ, ангелами какими-то, на землѣ очутившимися,—все равно, они прежде всего противники, желающіе побѣдить насъ, и стало быть, надо бить ихъ изо всѣхъ силъ, чтобы они не побѣдили, надо отстоять родину, разбить врага, прогнать его, можетъ быть, и проучить его. Вотъ и все. Вотъ что вдохновляетъ солдата, толкаетъ его на атаку. Национальныя добродѣтели и недостатки противника никакой тутъ роли не играютъ. Ненависть къ нему не при чемъ. Вотъ почему безпощадное отношеніе къ врагу во время боя смѣняется участливымъ, часто добродушнымъ отношеніемъ послѣ боя. Для солдата противникъ это тоже солдатъ. Онъ выполняетъ свой долгъ, за что же ненавидѣть его?

Но чѣмъ дальше отъ позиціи, чѣмъ глубже въ тылъ, тѣмъ больше растетъ ненависть къ нѣмцу. На позиціяхъ сражаются съ врагомъ, въ глубинѣ страны ненавидятъ его. Всеннымъ не нужна травля нѣмца. Тамъ, гдѣ происходитъ война, не можетъ быть травли.

Развѣ можетъ Борисъ Суворинъ, редакторъ «Вечерняго Времени», питать свое патріотическое чувство противникомъ-нѣмцемъ, если нѣмецъ не извергъ, не варваръ, не дикарь? Развѣ можетъ онъ поддерживать въ своихъ читателяхъ, въ потребителей своего товара, чувство пламеннаго патріотизма, если не будетъ преподносить имъ ежедневно по женщинѣ, изнасилованной нѣмцами, по грабежу, совершенному нѣмецкими солдатами?

* * *

Въ газетахъ была разсказана такая исторія. Сидѣли въ вагонѣ трамвая въ Петроградѣ двѣ барышни и разговаривали между собой по-французски. Вдругъ поднялся съ мѣста какой-то дюжій мужчина и въ самой категорической формѣ предложилъ прекратить «нѣмецкіе разговоры». Патріоту объяснили пассажиры, что эти разговоры французскіе. Онъ этому не совсѣмъ повѣрилъ, но потребовалъ, во всякомъ случаѣ, что бы въ Россіи говорили только по-русски. Кончилось дѣло скандаломъ, и, только благодаря вмѣшательству офицера, этого господина удалось высадить изъ вагона.

Это одинъ случай. А вотъ другой. Въ «Вечернемъ Времени» подъ названіемъ «Наглость» было напечатано такое письмо въ редакцію:

«М. г. Вчера во время посѣщенія зоологическаго музея я обратила вниманіе на нѣмецкое семейство, типичныхъ «bourgeois endimanchés», которые во всеуслышаніе разглагольствовали по-нѣмецки; первый разъ я сдержалась, но, всрѣтившись съ ними во второй разъ, я не удержалась и, обращаясь къ своей спутницѣ, произнесла нѣсколько фразъ о безцеремонности Нѣмцевъ, не стѣсняющихся громогласно изъясняться по-нѣмецки; на это почтенный Pater familias, къ которому, кстати сказать, я лично и не обращалась, заявилъ по-нѣмецки, что «das Fräulein», кажется, хочетъ принять на себя роль полиція, что онъ дѣлаетъ не то, что ему предписываютъ, а то, что считаетъ нужнымъ; а когда я, думая, что онъ плохо говоритъ по-русски, обратилась уже лично къ нему по-нѣмецки, говоря, что теперь неумѣстно говорить во всеуслышаніе на этомъ языкѣ, онъ съ невозмутимымъ нахальствомъ заявилъ мнѣ, что говорить онъ по-русски, можетъ быть, лучше меня, а если не говоритъ, то только потому, что не хочетъ. Возмущенная такой наглостью, я обратилась къ одному военному, находившемуся неподалеку, съ просьбой сократить нахальный пылъ Нѣмца, но увы... наша обычная халатность, преступная въ такое время терпимость и тутъ сказались: офицеръ замаялся, сказалъ, что не стоитъ обращать вниманіе, что лучше оставить его въ покоѣ и т. п.

Жена моряка».

Такихъ случаевъ было много рассказано въ газетахъ. Запрещеніе разговаривать въ магазинахъ и публичныхъ мѣстахъ было вызвано рядомъ столкновеній публики съ продавцами. Это началось не сразу послѣ войны, а ужъ потомъ, когда въ поискахъ пищи для своего патриотизма печать извѣстнаго попиба занялась травлей нѣмцевъ. Сначала всюду искали шпионовъ, и «Новое Время» послало спеціальнаго корреспондента въ Прибалтійскій край разыскивать государственную измѣну среди нѣмецкихъ бароновъ. О хозяйничаньѣ этихъ бароновъ въ краѣ, населенномъ латышами, объ этомъ истинно-прусскомъ и въ то же время истинно-русскомъ уголкѣ Россіи можно было рассказать много любопытнаго. Борьба съ засильемъ нѣмецкаго помѣщика-феодала имѣетъ тутъ давнюю краснорѣчивую исторію. Но именно эту сторону дѣла «Новое Время» благоразумно оставляло въ тѣни и искало какихъ то таинственныхъ вышекъ, съ которыхъ нѣмецкіе шпионы сигнализируютъ своей арміи, какихъ-то чудесныхъ аэроплановъ, которые летаютъ по ночамъ, а днемъ скрываются неизвестно гдѣ. Всѣ эти суевѣрныя сплетни военного времени были опровергнуты. Тогда націоналистическая печать взялась за нѣмецкихъ крестьянъ-колонистовъ, и тутъ съ единственной цѣлью разжечь ненависть. Было совершенно ясно, что никакъ не можетъ угрожать опасность Россіи со стороны колонистовъ Херсонской

губ. и другихъ мѣсть, за тридцать земель расположенныхъ отъ театра войны. Но печати суворинскаго пошиба надо было давать ежедневно своей публикѣ свѣжаго нѣмца, и неизбѣжную сухость извѣстій съ войны эта печать восполняла сочностью красокъ на картинахъ шпионства и предательства нѣмца внутренняго. Въ концѣ концовъ это было и слишкомъ глупо, и слишкомъ много было фантастическихъ обвиненій за отсутствіемъ правдоподобнаго матеріала. Обвиненіе въ шпионствѣ и предательствѣ смѣнилось обвиненіемъ въ экономическомъ засильѣ. Печать съ полнымъ основаніемъ указывала на обезпеченность нѣмца колониста сравнительно съ русскимъ крестьяниномъ, на эгоизмъ колониста, на его враждебное отношеніе къ русской деревнѣ, рядомъ съ которой онъ живетъ. Но такая постановка вопроса неизбѣжно влекла за собой вопросъ объ общемъ положеніи крестьянскаго землевладѣнія. «Новое Время» ничего не имѣетъ противъ принудительнаго отчужденія земли колониста, но для уха нововременца непріятно звучитъ такое сочетаніе этихъ словъ. Начиная агитацію противъ нѣмцевъ на этой почвѣ, націоналистическая печать не сознавала, что эта почва для нея зыбкая, но вскорѣ это почувствовала.

Еще больше обожглась эта печать на нѣмцѣ-бюрократѣ. Энергично и смѣло была начата похоть противъ «засилья» нѣмцевъ въ средѣ нашей бюрократіи. Вооружившись адресъ-календаремъ суворинскіе слѣдопыты безъ труда открывали цѣлыя нѣмецкія гнѣзда въ самыхъ нѣдрахъ бюрократіи. Единственнымъ уличающимъ признакомъ являлась нѣмецкая фамилія, но оказалось, что по обилію этихъ фамилій иной департаментъ легко могъ бы поспорить съ департаментомъ иного министерства Пруссіи. Когда пспалъ въ плѣнѣ варшавскій губернаторъ баронъ Кирфъ, то въ «Новомъ Времени» появилась небольшая замѣтка, въ которой всѣ фамиліи были подчеркнуты демонстративно жирнымъ шрифтомъ. Это замѣняло комментаріи.

«Помощникъ генералъ-губернатора по гражданской части состоитъ фонъ-Эссенъ, по полицейской части—Утгофъ, штабъ-офицеромъ для порученій—Берландъ. Оберъ-полицеймейстеръ Мейеръ, помощникъ оберъ-полицеймейстера Балкъ. При замѣстителѣ барона Корфа, Грессеръ, состоитъ юридическій совѣтникъ баронъ Шеппингъ. Помощникъ управляющаго канцеляріей фонъ-Риттеръ и тюремный инспекторъ фонъ-Петцъ. Не менѣе полно представленъ и магистратъ города. Президентъ магистрата Мюллеръ, ратманъ Круль. Старшій городской врачъ Бруннеръ. Старшій дѣлопроизводитель Ритеръ. Старшій го-

родской архитекторъ Шиллеръ, другой архитекторъ—фонъ-Феддерсъ. Управляющимъ правительственными театрами въ Варшавѣ только-что назначенъ Бурманъ».

Развѣдки въ этомъ направленіи, произведенныя съ такой же послѣдовательностью по всемъ вѣдомствамъ, могли дать результаты еще болѣе любопытныя. Но внезапно у слѣдопытовъ пропала охота къ развѣдкамъ. Во-первыхъ, такое огульное заподозриваніе всехъ носящихъ нѣмецкую фамилію, ставило въ неловкое положеніе газету, питающуюся изъ источниковъ бюрократическихъ. А во-вторыхъ, какъ разъ послѣ полемическаго выпада противъ Владимира Карловича Саблера «Вечернее Время» пошатнулось солиднымъ шграфомъ. Травля отдѣльныхъ лавочниковъ, носящихъ нѣмецкую фамилію, оказалась и легче и безопаснѣе. Вниманіе націоналистической прессы снова повернулось въ эту сторону.

Борьба съ «внутреннимъ нѣмцемъ» пошла по различнымъ направленіямъ, минуя, однако, опасныя и щекотливыя мѣста. Кушцы и промышленники занялись вопросомъ объ освобожденіи отъ гнета и давленія германскаго капитала. Частью рѣчь шла о томъ, чтобы поставить, пользуясь моментомъ, отечественную промышленность на собственныя ноги и своими силами замѣнить освободившіяся мѣста. Въ значительной мѣрѣ, однако, рѣчь шла о томъ, чтобы германскую экономическую зависимость замѣнить зависимостью отъ англійскаго или шведскаго капитала. Хотя все это было обильно одобрено соусомъ ненависти къ нѣмцу, но въ основѣ лежала мысль серьезная.

явился походъ противъ рождественской елки. Стоило какому то досужему человѣку заявить въ газетахъ, что елка германскаго происхожденія, и посыпались проекты объ изгнаніи елки. За нее заступились даже «патріоты». Даже «Вечернее Время» не выдержало и робко замолвило слово за елку, которая, правда, и нѣмка, но уже давно обрусѣвшая. Другіе покривили душой и старались спасти елку, доказывая ее скандинавское происхожденіе. Наконецъ, проф. Зѣлинскій разъяснилъ, что благонадежность елки вѣдь подозрѣній, потому что родилась она въ Эльзасѣ. Стало быть, устроить дѣтямъ елку не только не зазорно, а, напротивъ, какъ разъ вполне уместно въ виду симпатій къ Эльзасу.

Конечно, война съ Германіей нисколько не требуетъ ни изгна-

нiя нѣмецкаго языка изъ школы, ни изгнанiя елки изъ дѣтской. Но тѣмъ, кто за отсутствiемъ прямого дѣла, изгоняли языкъ и елку, казалось, что они дѣлаютъ патрiотическое дѣло и тоже ведутъ войну съ Германiей. Но въ дѣйствительности они обдѣлывали только свои собственные дѣлишки. Подъ видомъ патрiотизма они разжигали ненависть, играли на худшихъ инстинктахъ толпы, не умѣя и не желая дѣйствовать на лучшiе инстинкты, не вели борьбы противъ той стороны Германiи и германизма, которую нужно вести...

II. Кассо.

Русскiе, застигнутые войной въ Германiи и возвратившiеся еще въ началѣ войны въ Россiю, рассказывали, между прочимъ о такомъ эпизодѣ. Путь тогда шелъ въ Швецию еще черезъ Торнео, и на первыхъ порахъ сообщенiе еще не было налажено. На какой-то станци надо было пересаживаться на пароходъ или моторныя лодки и по заливу ѣхать до слѣдующей станци. Пассажировъ было много, лодокъ мало, на пристани происходила давка. Одна лодка, биткомъ набитая, уже отчаливала... Какъ вдругъ бѣжнтъ къ берегу высокiй черный господинъ, на одной рукѣ пальто перекинуто, въ другой бутылка съ водой. Всѣ старались тогда водой запасться.

— Ради Бога, господа, возьмите и меня!

— Мѣсть нѣтъ,—отвѣтили ему, какъ и всѣмъ отвѣчали.

— Пожалуйста, господа!—продолжалъ онъ просить.—Я постою какъ-нибудь.

— Да, говорятъ вамъ, нѣту мѣсть,—крикнулъ ему кто-то сердито.

Но одинъ пассажиръ, всмотрѣвшись въ чернаго господина, сказалъ вдругъ: «Господа, да вѣдь это Кассо. Надо его взять».

Причалили къ берегу, взяли Кассо, потѣснились и уступили ему мѣсто. Онъ благодарилъ и сѣлъ какъ-то сконфуженно, стараясь занимать возможно меньше мѣста. Сидѣлъ молча, покуривши голову, и видъ у него былъ жалкiй,—рассказываетъ очевидецъ. Онъ уже страдалъ тогда отъ болѣзни, которая свела его потомъ въ могилу. Въ толпѣ путешественниковъ онъ ничѣмъ не отличался, да на него и не обращали особаго вниманiя. Онъ былъ, какъ всѣ. Слѣдовали за толпой, дѣлалъ то же, что она дѣлала, и покорно подчинялся указанiямъ случайныхъ распорядителей.

Кстати сказать, среди многихъ любопытныхъ явленiй этого времени было и такое явленiе. Въ огромной безпорядочной толпѣ русскихъ, какими то судорожными клубками катившейся черезъ Швецию къ русской границѣ, было много всякаго народа. Были и санов-

ники и видные администраторы, были официальные хранители порядка и благочинія. И вотъ они-то послѣ женщинъ и дѣтей были наиболѣе беспомощными существами. Толпа выдѣляла изъ своего состава распорядителей, которые заботились о проѣздѣ и пропитаніи, устанавливали очередь, составляли списки и т. д. Все это были частныя лица, у себя на родинѣ привыкшія подчиняться. Официальные на родинѣ администраторы здѣсь сами подчинялись и ни малѣйшей активности не проявляли. Передаютъ, что въ Берлинѣ приходили къ г. Чхенкели многія титулованныя лица и говорили ему: «Вы нашъ представитель. Вы должны намъ помочь». А въ пути можно было наблюдать, какъ иной студентъ командовалъ статскими и дѣйствительными статскими совѣтниками, и они ему безропотно подчинялись.

Такимъ же беспомощнымъ существомъ былъ и Кассо. Попадъ въ толпу, оказавшись на равномъ со всѣми положеніи, онъ превратился въ обыкновеннаго, нисколько не значительнаго, нисколько не интереснаго человѣка. Такой, какъ всѣ. Къ нему такъ, какъ ко всѣмъ, и относились. А было въ той толпѣ много народа, который могъ питать къ Кассо злобу, могъ злорадствовать. Было много евреевъ, которымъ столько горя и обиды причинилъ Кассо. Было много студентовъ заграничныхъ университетовъ, попавшихъ за-границу по винѣ Кассо. Но никто не пытался воспользоваться случаемъ и хотя бы ехиднымъ словомъ уколоть министра. Никто не позволялъ себѣ даже улыбнуться злорадно. Два-три человѣка старались услужить на всякій случай. Подавляющее большинство просто никакъ не относилось къ Кассо, не замѣчали его. Такъ грандіозны были нагрянувшія событія, такое пронеслось мощное дуновение исторической грозы, что ничтожными, мелкими, ненужными показались вчерашнія злобы дня. Всѣ стали вдругъ серьезны, и у кого годами накапливалась жгучая обида противъ Кассо, тотъ вдругъ почувствовалъ, что ничтожна эта обида въ сравненіи съ великими событіями. Безъ всякой политики, безъ исторической философіи русскіе бѣглецы изъ Германіи увидѣли въ Кассо маленькаго человѣка, маленькаго—и неинтереснаго.

Какъ незамѣтно путешествовалъ Кассо, такъ незамѣтно пріѣхалъ онъ и въ Россію. Не до него было Россіи. Незамѣтно страдалъ онъ тутъ, незамѣтно болѣлъ и какъ то незамѣтно умеръ. Можно было бы много о немъ писать, да, вотъ, неохота. Печать не столько писала о немъ, сколько отписалась. Не было ни злобы, ни яда въ посмертныхъ воспоминаніяхъ о немъ. Было только странно думать, что онъ—такой маленькій и незамѣтный, что онъ—такой чужой. И даже странно представить себѣ, что этотъ человѣкъ, о которомъ трудно теперь сказать больше двухъ словъ, могъ казаться колоссальной фигурой, могъ на-

канунѣ войны заслонить собой чуть ли не всю политическую жизнь, могъ отбросить черную тѣнь на всю нашу общественность. Военная гроза, принесшая великое испытаніе, сразу историческимъ свѣтомъ озарила Россію. И при ослѣнительно яркомъ свѣтѣ нѣкоторые предметы предстали въ истинныхъ своихъ очертаніяхъ. Выросла Россія. Маленькимъ, въ натуральную свою величину, оказался Кассо.

Д. Заславскій.

Очагъ культуры.

Если вамъ случалось бывать въ Москвѣ на Мусской площади нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда она представляла обширный пустырь, то теперь вы не узнали бы ея, настолько она измѣнилась. По срединѣ разбитъ чистенькій скверъ, кругомъ большія строения, и среди нихъ своимъ изящнымъ фасадомъ и стройными очертаніями выдѣляется трехъ-этажное бѣлое зданіе, по вечерамъ залитое моремъ огней.

Если вы будете проходить мимо, часовъ около десяти, то увидите, какъ черезъ открытыя двери хлынетъ толпа народа. Въ толпѣ вы различите и мужчинъ, и женщинъ, и молодежь, и стариковъ. Васъ, быть можетъ, заинтересуетъ, откуда идетъ такая толпа и зачѣмъ она здѣсь собралась. Вы поднимете голову, и на фронтонѣ прочтете надпись: «Московскій Городской Народный Университетъ имени А. Л. Шанявскаго».

Передъ вами учрежденіе совсемъ юное (ему всего седьмой годъ), однако уже пользующееся широкой и вполне заслуженной популярностью не только въ Москвѣ, но и далеко за ея предѣлами.

Если вы откроете массивную дверь и войдете въ обширный вестибюль, поддерживаемый колоннами, то на первомъ сводѣ противъ входа увидите начертанныя золотыми буквами на бѣломъ фонѣ слова: «Наука—источнику добра и силы».

Эти слова можно считать «девизомъ» даннаго учрежденія. Они позаимствованы изъ письма покойнаго генераль-майора А. Л. Шанявскаго въ Московскую Городскую Думу отъ 15 сент. 1905 года, въ которомъ онъ, предлагая городу свой щедрый даръ, намѣчаетъ основныя черты задуманнаго имъ университета, предназначеннаго служить «широкому распространенію высшаго научнаго образованія и привлеченію симпатій народа къ наукѣ—источнику добра и силы».

Въ глубинѣ за вестибюлемъ, гдѣ идетъ лѣстница наверхъ, развѣтляясь направо и налево, вы увидите въ нишѣ бронзовый бюстъ на пьедесталѣ, а у подножія его вѣнки. Это бюстъ А. Л. Шанявскаго. На васъ, словно живые, глядятъ его умные проникательные глаза на